

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИГИ.

Изложивъ то, что казалось необходимымъ для разрѣшенія недоумѣній, которыя представлялись собесѣдникамъ, Сократъ, по убѣжденію Главкона, возвращается къ вопросу, предложенному еще въ началѣ пятой книги. Начертавъ образъ наилучшаго государства, чтобы узнать совершеннѣйшую природу человѣка, онъ рѣшается описать также *четыре худыя формы государственнаго правленія* и показать, что тѣ же самые виды порчи проявляются въ душахъ и нравахъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей. Поэтому полагаетъ онъ разсматривать предметъ такъ, чтобы, объяснивъ происхожденіе, природу и свойства каждой формы правленія, предлагать потомъ всякій разъ и образъ человѣка, замѣчая въ немъ тѣ же недостатки, какіе замѣчены были въ соответствующемъ ему правленіи. Это разсужденіе Сократъ начинаетъ вопросомъ: какимъ образомъ предначертанное имъ наилучшее государство, которое по всей справедливости должно быть названо *аристократическимъ*, можетъ мало-по-малу измѣниться въ худшее, и дать начало четыремъ худымъ формамъ правленія: *тимократіи, олиархіи, димократіи* и *тиранніи*. Та аристократія, или совершенное правленіе, хотя и не легко, при своемъ устройствѣ, можетъ возмущаться: такъ какъ все рождающееся подлежитъ законамъ измѣняемости, то и она не въ состояніи сохраняться постоянно и безъ измѣненій. Такимъ образомъ, по неизбѣжному закону судьбы, правители города, при выборѣ юношей и дѣтей для приготовления ихъ къ рожденію новаго поколѣнія, когда-нибудь погрѣшатъ, — и отъ отцовъ послѣ того естественно произойдутъ худшія дѣти; а изъ этого мало-по-малу выйдетъ то, что души и нравы гражданъ, пренебрег-

ши древнія постановленія государства, испортятся и частію отъ своекорыстія, частію отъ честолюбія, сдѣлаются развратными. Сократъ говоритъ, что аристократія прежде всего должна измѣниться въ *тимократію*, какая дѣйствуетъ въ Критѣ и Лакедемонѣ; потомъ описываетъ ея причину, происхожденіе и природу; и наконецъ изображаетъ властолюбца — его воспитаніе, умственные и нравственные его свойства. Р. 545 В — 550 В. Изложивъ свои понятія о тимократіи, философъ далѣе учитъ, какимъ образомъ эта форма правленія, подъ влияніемъ ввравшагося въ общество своекорыстія и любостыжанія, перераждается въ *олигархію*; обстоятельно указываетъ на причины появленія олигархіи и говоритъ, что въ такомъ обществѣ правительственные должности раздаются примѣнительно къ богатству лицъ, а бѣдность не принимаетъ участія въ правленіи; потомъ съ этою формою сравниваетъ душу человѣка скупаго, рассматриваетъ обстоятельства, предрасполагающія ее къ скупости, и черты, которыми она характеризуется. Р. 550 С — 555 А. Изъ олигархіи, въ которой открытъ путь къ почестямъ не добродѣтели, а богатству, по ученію Сократа, образуется *димократія*; ибо невозможно, чтобы многіе граждане, доведенные до нищеты скупостію и притязательностію немногихъ, не вдавались въ воровство, въ разбой, въ святотатство и въ другіе пороки. Но страшась ожидающей ихъ за это участи, они по необходимости уже явно раздуваютъ бунты, убиваютъ или отправляютъ въ ссылку правителей государства и власть въ обществѣ раздѣляютъ между собою такъ, что всякому открывается путь къ полученію той или другой правительственной должности. Этой формѣ правленія свойственны особенно — требованіе со всѣхъ сторонъ безусловной свободы, совершенная разнузданность страстей, наглость, дерзость, готовность на всякія преступленія и безнаказанность; а соотвѣтствующій ей человѣкъ обыкновенно страдаетъ невоздержаніемъ и, пренебрегши всѣми правилами честности, предается разврату. Р. 555 В — 561 Е. Описавъ димократію и соотвѣтствующаго ей человѣка, Сократъ переходитъ къ рассмотрѣнію *тиранніи* и видитъ въ ней самое далекое отступленіе отъ достоинствъ общества совершеннаго. Тираннію производитъ онъ изъ излишней свободы: ибо какъ всякое излише-

ство перераждается въ противоположное излишество; такъ и за излишнею свободою обыкновенно слѣдуетъ рабство. Чтобы обуздать тѣхъ, которые, привыкши къ разнузданности своихъ дѣйствій, злоупотребляютъ свободою другихъ, народъ поручаетъ кому-нибудь защищать себя, и избраннаго украшаетъ богатствомъ и достоинствами. Замѣтивъ благоволеніе къ себѣ народа и въ то же время видя другихъ, соперничающихъ его власти, этотъ демагогъ, на основаніи разныхъ вымышляемыхъ имъ причинъ, истребляетъ всѣхъ, на кого имѣетъ подозрѣніе, и чтобы обезопасить себя, требуетъ у народа стражи. Истребовавъ ее, онъ, по соображеніямъ хитрости, сперва ведетъ себя кротко и, съ цѣлію привязать къ себѣ народъ, дѣйствуетъ благосклонно; а потомъ, ощутивъ свою силу, начинаетъ проявлять дѣйствія тиранскія: старается съ дурными умыслами воспламенить войны, чтобы, то-есть, граждане сильнѣе почувствовали нужду въ его помощи, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ получить случай противопоставить непріателямъ и погубить людей, склонныхъ стремиться къ свободѣ и порицающихъ его тираннію. Тиранну всего нужнѣе смотрѣть и стараться, чтобы въ обществѣ не осталось ни одного добраго и благоразумнаго человѣка, котораго добродѣтелей онъ долженъ бояться; потому что иначе власть его будетъ слишкомъ нетверда и недолговременна. Увеличивъ наконецъ численность своей стражи, тираннъ начинаетъ грабить священное и мірское, и безконечными налогами исчерпываетъ силы народа. И народъ, оплакивая бѣдственную свою участь, теперь только начинаетъ понимать, какое жестокое животное согрѣлъ онъ въ своемъ нѣдрѣ, и хотя бы желалъ прогнать его,—все не могъ бы однакожь сдѣлать это безъ вреда самому себѣ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

543. Пусть такъ; въ этомъ мы согласились, Главконъ: въ имѣющемъ превосходно устроиться городѣ будутъ общія жены, общія дѣти и все воспитаніе ихъ, равно какъ общія занятія во время войны и мира; а царями всѣхъ будутъ мужи, оказавшіеся отличными въ философіи и въ дѣлахъ военныхъ.—Согласились, сказалъ онъ.—Да сошлись мы и въ томъ, что когда правители уже поставлены, они поведутъ воиновъ и вселятъ ихъ въ дома, какіе нами описаны; потому что у нихъ нѣтъ ничего собственнаго, но все общее. Кромѣ такихъ домовъ,—помнишь ли?—мы согласились, кажется, какое будетъ у нихъ имущество.—Да, помню, сказалъ онъ. Мы полагали, что никто изъ нихъ не долженъ ничего пріобрѣтать, подобно инымъ теперь; но, какъ подвижники на войнѣ и стражи, получая
- С. въ вознагражденіе за караулъ ежегодную пищу отъ другихъ, сами они должны заботиться о всемъ городѣ.—Правильно говоришь, сказалъ я. Но далѣе, кончивъ это, припомнимъ, къ чему обратились мы отсюда, чтобы идти намъ теперь тѣмъ же путемъ.—Нетрудно, сказалъ онъ. Тогда, почти какъ и теперь, поразсудивши о городѣ, ты прибавилъ, что такой городъ, какой въ тотъ разъ описанъ тобою, считаешь хорошимъ, равно какъ и подобнаго ему человѣка; хотя, повидимому, могъ говорить еще о лучшемъ—и городѣ и человѣкѣ¹:

---

¹ Здѣсь указывается на начало пятой книги, гдѣ, однакожъ, не высказано той мысли, что Сократъ могъ бы говорить еще о лучшемъ городѣ и человѣкѣ: эти слова прибавлены такъ, какъ будто бы Главконъ сказалъ ихъ отъ себя.

а другіе-то, если этотъ правиленъ, называлъ ты недостаточ- 544.
ными, и формы правленія ихъ, сколько помню, дѣлилъ на че-
тыре вида, о которыхъ стоитъ поговорить, чтобы видѣть ихъ
недостатки, — равно какъ опять и о подобныхъ имъ людяхъ,
чтобы, зная все это и согласившись между собою въ томъ,
кто—человѣкъ самый хорошій и кто самый дурной, мы могли
изслѣдовать, правда ли, что самый хорошій есть самый сча-
стливый, а самый дурной — самый несчастный, или это не-
правда. Послѣ того я спросилъ: какіе разумѣешь ты четыре
вида правленія? но тутъ вступили въ разговоръ Полемархъ и В.
Адимантъ, и ты, начавъ съ ними рѣчь, велъ ее до этой ми-
нуты¹.—Весьма вѣрно припомнано, сказалъ я.—Итакъ, по-
добно борцу, повтори прежнюю схватку² и на тотъ же самый
вопросъ попытайся сказать, чтò хотѣлъ говорить тогда.—
Если буду въ состояніи, примолвилъ я. — По крайней мѣрѣ
желательно слышать, сказалъ онъ, какія разумѣешь ты четы-
ре государственныя правленія.—Нетрудно, примолвилъ я; с.
услышишь. Правленія, о которыхъ я говорю, приобрѣли из-
вѣстность³. Первое изъ нихъ, восхваляемое многими, есть

¹ Въ началѣ пятой книги, когда Сократъ хотѣлъ было приступить къ раз-
смотрѣнію различныхъ формъ правленія, Полемархъ и Адимантъ замѣтили важ-
ный пропускъ въ его изслѣдованіяхъ и потребовали отъ него рѣшенія вопроса
касательно значенія женщинъ въ государствѣ, также касательно рожденія и вос-
питанія дѣтей. Направленный этимъ вопросомъ къ другимъ предметамъ, Со-
кратъ съ того времени долженъ былъ разсуждать объ отношеніи женскаго пола
къ обществу, объ образѣ и способахъ образованія дѣтства и юношества, о фи-
лософствующихъ правителяхъ и наконецъ о наукахъ, которыми юноши должны
быть приготовляемы къ правительственнымъ должностямъ. Послѣ столь длинна-
го отступленія отъ предполагаемаго хода бесѣды, Главконъ напоминаетъ ему о
тогдашнемъ своемъ вопросѣ и такимъ образомъ переводитъ его къ разсужденію
о формахъ правленія.

² *Поэтори прежнему схватку*, τὴν αὐτὴν λαβὴν πάρεχε, — метафора, взятая отъ
борцовъ и часто употребляемая Платономъ. Phaedr. p. 236 C: Εἰς τὰς ὁμοίας λα-
βὰς ἐλήλυθας. Legg. III, p. 682 E: ὁ λόγος ἡμῖν ὅλον λαβὴν ἀποδίδωσιν. Scholiast.: «Го-
ворится метафорически, приспособительно къ выраженію борцовъ, у которыхъ
въ обычаѣ, когда оба упадутъ такъ, что никоторый не бываетъ наверху, снова
подниматься и схватываться прежнимъ образомъ, что и означаетъ ту же схватку.

³ *Ὀνομα εἶχειν*, приобрѣсть извѣстность, знаменитость. Въ такомъ значеніи
употребляется этотъ идиотизмъ. Apol. p. 20 D: ταῦτα τὸ ὄνομα εἶσχηκα.

- критское и лакедемонское; второе и, судя по похвалѣ, стоящее на второмъ мѣстѣ, называется олигархіею—правленіе, наполненное множествомъ золь; отъ него отличается и за нимъ слѣдуетъ димократія; превосходнѣе же всѣхъ ихъ—благородная
- D. какаѣ-то тираннія: это четвертая и послѣдняя болѣзнь города. Или ты имѣешь иную идею правленія, проявляющуюся въ какой-нибудь замѣчательной формѣ? Вѣдь власти и царствованія наемныя, равно какъ и другія подобныя правленія, составляютъ средину между тѣми и могутъ быть находимы не меньше у варваровъ, какъ и у Эллиновъ.—Да, рассказываютъ о многихъ и странныхъ, примолвилъ онъ.—А знаешь ли, спросилъ я, что и виды людей, необходимо,—въ такомъ же количествѣ, въ какомъ формы правленія¹? Или думаешь, что правленія произошли изъ дуба, либо изъ камня какого-нибудь², а
- E. не изъ нравовъ города, которые куда сами будто ползутъ, туда и все увлекаютъ?—Не откуда болѣе, какъ отсюда, сказалъ онъ.—Поэтому, еслибы правленій въ городахъ было пять, то пять было бы и душевныхъ расположеній въ частныхъ лицахъ.—Какже.—Но того-то человѣка, который подобенъ аристократіи, мы уже рассмотрѣли, и правильно назвали его добрымъ и справедливымъ.—Рассмотрѣли.—Послѣ этого не описать ли намъ худшихъ—спорщика и честолюбца, живущаго подъ правленіемъ гражданскимъ, а потомъ опять—гражданина олигархитскаго, димократическаго и тиранническаго, чтобы несправедливѣйшаго сознательно противополжить справедливѣйшему, и вполнѣ изслѣдовать, какое от-

¹ *И виды людей, необходимо,—въ такомъ же количествѣ, въ какомъ формы правленія.* Соответствующій этимъ словамъ греческій текстъ можетъ представить поводъ къ недоразумѣніямъ: чтобы вѣрно понять его, фраза должна быть расположена такъ: *ὅτι ἀνάγκη (ἐστὶν) εἶναι τοσαύτα εἶδη τῶν πῶν ἀνθρώπων, ὅσων καὶ εἶδη ἐστὶ πολιτείων.* По учению Платона, всякой формѣ государственнаго правленія соответствуетъ частное настроеніе отдѣльныхъ его гражданъ: съ тимократіею сравниваетъ онъ человѣка властолюбиваго, съ олигархіею—скупаго, съ димократіею—развратнаго, съ тиранніею—служащаго какой-нибудь одной страсти.

² Объ этихъ словахъ, взятыхъ изъ Омировой Одиссеи в. 163 см. *Apolog. Socr. p. 34 D.*

ношеніе между чистою справедливостію и чистою несправедливостію, примѣнительно къ счастію или несчастію человѣка, имѣющаго то или другое, — съ цѣлію, либо, повѣривъ Тразимаху, совершать несправедливое, либо, согласно съ предложенною теперь рѣчью, — справедливое? — Безъ сомнѣнія, В. такъ надобно сдѣлать, сказалъ онъ. — Стало-быть, не поступить ли намъ, какъ мы начали, то-есть, не разсмотрѣть ли нравы прежде въ правленіяхъ, чѣмъ въ частныхъ людяхъ, такъ какъ это предметъ болѣе ясный? Изслѣдуемъ-ка теперь сперва правленіе честолюбивое (не могу дать ему другаго имени, какъ развѣ назвать его тимократіею или тимархіею), за которымъ разсмотримъ и такого же человѣка; потомъ возьмемъ олигархію и человѣка олигархическаго; далѣе взглянемъ на димократію и на гражданина димократическаго; и С. наконецъ, перешедши къ четвертому городу — тиранническому, и изучивъ его, обратимъ опять взоръ на душу тиранническую и постараемся сдѣлаться достаточными судьями предположенныхъ предметовъ ¹. — Такое-то созерцаніе шло бы въ порядкѣ, сказалъ онъ. —

Пусть такъ, началъ я; постараемся же разсмотрѣть, какимъ образомъ изъ аристократіи можетъ произойти тимократія. То-то не просто ли, что всякое правленіе измѣняется отъ D. самого правительства, какъ скоро въ немъ возникаютъ возмущенія? А если послѣднее единодушно, то хотя бы оно было и очень невелико, — движеніе въ немъ невозможно. — Точно такъ. — Какимъ же образомъ, Главконъ, спросилъ я, городъ придетъ у насъ въ движеніе, и чѣмъ попечители и правители обнаружатъ возмущеніе противъ другихъ и противъ самихъ себя? Хочешь ли, мы, подобно Омиру, будемъ молить музъ, чтобы онѣ сказали намъ, какимъ это образомъ въ первый разъ появляется возмущеніе, и заставимъ ихъ говорить свы- E. сока, трагически, такъ чтобы казалось, будто онѣ говорятъ серьезно, а на самомъ дѣлѣ шутили съ нами, какъ съ дѣтьми,

¹ Стараясь о ясности мысли, я долженъ былъ здѣсь вопросительную рѣчь одлянника превратить въ положительную.

546. и забавляли насъ?—Какъ же это?—Вотъ какъ ¹. Трудно, конечно, возмутиться такъ устроенному городу; однакожь, поколику все происшедшее разруσιμο, то и это устройство остается твердымъ не на все время, но разрушится. Разрушеніе его будетъ слѣдующее: не только растенія въ землѣ, но и животныя на землѣ бываютъ плодоносны и неплодоносны, какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, когда круговращенія съ каждымъ изъ круговъ соединяють извѣстные періоды — съ недолговѣчными краткіе, а съ противными противныя ². Вашъ

---

¹ Отсюда начинается ученіе музъ о томъ, что Платоново государство, сколь ни хорошо оно устроено, чрезъ нѣсколько времени не можетъ не разрушиться. Это мѣсто, иначе называемое *Платоновымъ числомъ*, представляло всѣмъ новоевропейскимъ критикамъ непреодолимая затрудненія: поэтому одни изъ нихъ пропускали его въ своихъ переводахъ, какъ не заключающее въ себѣ никакой мысли; другіе говорили даже, будто Платонъ съ намѣреніемъ влагаеть въ уста музамъ такую высокопарную и ничего неозначающую рѣчь, кака у насъ называется галиматьею; всѣ же вообще прозвали этотъ урокъ музъ *fatalem Platonis numerum*. О Платоновомъ числѣ писали *Boeckh*. in *Studiis a Creuzero et Dabio evulgatis* T. III, p. 44 sqq., *Schneider*, in *Commentatt. de numero Platonis*, *Wratisl.* 1821. 4, *Fries* въ брошюрѣ: *Platons Zahl. Eine Vermuthung von J. Fr. Fries*. *Heidelberg*, 1823. 4, *Schleiermacher* *Opp. Plat.* T. III, p. 1. 588 sqq. *Göttlingius* ad *Aristotel. Politic.* V. 10, p. 411 sqq., *Cousin*, *Oeuvres completes de Plat.* Tom. X, p. 322 sqq. Замѣчательно, что тогда какъ новые критики не могутъ найти и опредѣлить смыслъ этого текста въ Платоновой Политикѣ, древніе философы и комментаторы послѣ временъ Платона, цитую и приводя его, нисколько не даютъ замѣтить, что содержащееся въ немъ ученіе для нихъ было непонятно. Схолиастъ, вѣроятно имѣвшій подъ руками большой комментарий Прокла, не предлагаетъ намъ, конечно, удовлетворительнаго объясненія на это мѣсто, по крайней мѣрѣ отсылаетъ насъ къ разумной причинѣ, знающей періодическое движеніе неба. А Аристотель не только понималъ разсматриваемое ученіе музъ, но еще доказывалъ, что музы въ этомъ случаѣ учили невѣрно.

² Когда круговращенія съ каждымъ изъ круговъ соединяють извѣстные періоды, бѣтъ *περιτροπαι ἐκχαρὰς κύκλων περιφορὰς συνάπτουσι*. Подъ словомъ *περιτροπαι* надобно разумѣть, конечно, міровое, періодически и всегда кругообразно повторяющееся движеніе, или, какъ понимали древніе, — всецѣлое круговращеніе неба. Это круговращеніе, какъ бы механически соприкасается съ киклами населяющихъ землю родовъ и, чрезъ прикосновеніе къ ихъ орбитамъ, сообщаетъ имъ также круговое движеніе — *περιφορὰς*. Явно, что киклъ чѣмъ меньше, тѣмъ круговращеніе его будетъ короче, быстрее и учащательнѣе. Но человѣкъ, какъ существо разумно-свободное, не подлежитъ этому необходимому закону природы и долженъ бы раждать дѣтей не по ея расчетамъ, а по расчетамъ ума въ соединеніи съ чувствомъ, только онъ, къ сожалѣнію, невѣдко постунаеть вопреки имъ и раждаетъ, когда не слѣдовало бы.

же родъ, хотя вы—мудрецы и воспитали правителей города, В. свое благочадіе и безчадіе будетъ получать не по расчету ума въ соединеніи съ чувствомъ, но мимо этого; — будетъ иной разъ раждать дѣтей, когда бы не слѣдовало. Для божественнаго рожденія есть періодъ, опредѣляемый совершеннымъ числомъ, а для человѣческаго, въ которомъ первыми условіями умноженія становятся возможность и владычественное предписаніе, есть между четырьмя предѣлами ихъ три промежутка, принимающихъ въ себя числа подобныя и неподобныя, увеличивающіяся и уменьшающіяся, и дѣлающихъ все взаимно соизмѣримымъ и выразимымъ ¹. Полчетвертной корень ихъ, с. сложенный съ пятерницею, если будетъ умноженъ на три, то представляетъ двѣ гармоніи: одну—равно-равную, сто, взятое столько же разъ; другую, хотя равно-протяженную, однакожь равную продолговатостью. Сто принадлежитъ къ чис-

---

¹ Съ этими словами Платона, по моему мнѣнію, надобно соединять слѣдующій смыслъ: Раждаемое Богомъ, въ которомъ нѣтъ никакой сложности, въ которомъ могущество (*τὸ δυνατόμενον*) и владычество (*τὸ δυναστεύμενον*) — одно и то же, раждается нераздѣльно могуществомъ и владычествомъ, и по этой нераздѣльности ихъ, раждается въ совершенной полнотѣ, безъ количественнаго недостатка и безъ количественнаго излишества (количественная опредѣленность недѣлимыхъ во всѣхъ родахъ твореній, составляющихъ міръ видимый или феноменальный, была неизмѣнною догмою Платоновой философіи); и эта полнота богорожденнаго называется здѣсь числомъ совершеннымъ (*ἀριθμὸς τέλειος*). Напротивъ, въ человѣкѣ, относительно рожденія дѣтей, равно и во всякомъ другомъ отношеніи, возможность умножаться (*αὐξήσεις δυνατόμεναι*) и предписаніе владычествующаго начала, опредѣляющее мѣру умноженія (*αὐξήσεις δυναστεύμεναι*) — не одно и то же, но суть два различные акта его природы, изъ которыхъ каждый опредѣляется двумя предѣлами: потому что возможность съ внѣшней своей стороны граничитъ съ безпредѣльностью, а съ внутренней — съ предѣломъ; владычествующее же начало съ внѣшней стороны ограничивается полнотою власти, а съ внутренней — полнотою ея примѣнительно къ лицу и состоянію лица. Отсюда — четыре предѣла (*ἄροι*) и между ними — три промежутка, наполняющіеся числами — подобными и неподобными, уменьшающимися и увеличивающимися; и только тотъ—мудрецъ относительно рожденія дѣтей, кто во всѣхъ этихъ промежуткахъ поставилъ числа въ правильной пропорціи, выражающей гармоническое отношеніе своей возможности къ господствующему своему началу, и обратно, и такимъ образомъ расчеты ума (*λογισμὸν*) вѣрно соединилъ съ чувствомъ (*μετ' αἰσθησεως*). Въ слѣдующихъ далѣ словахъ музы, повидимому, хотѣтъ открыть Сократу и его слушателямъ самую эту пропорцію, и тутъ-то, кажется, говоря будто серьезно, шутятъ съ ними, какъ съ дѣтьми.

ламъ, называемымъ по діаметрамъ пятерицы, безъ единицы каждаго изъ нихъ, но невыразимымъ двумя; сто относится къ кубамъ троичности. Всецѣлое же это геометрическое число заключаетъ въ себѣ силу лучшихъ и худшихъ рожденій¹, которыхъ если стражи у васъ не будутъ знать, — какъ скоро невѣсты станутъ соединяться съ женихами неблагоприятно, —

¹ Надъ изъясненіемъ этихъ математическихъ формулъ и приложеніемъ ихъ къ разрѣшаемому вопросу болѣе всѣхъ трудились Шнейдеръ и Фрисъ. Самъ я не берусь судить объ относительномъ достоинствѣ ихъ изслѣдованій, а ссылаюсь на Шлейермахера, который столь долго старался проникнуть въ истинный смыслъ такъ называемаго Платонова числа, что доведши переводъ Платона до этого мѣста, прекратилъ его для этой цѣли на двѣнадцать лѣтъ. Шлейермахеръ не соглашается съ изслѣдованіями Фриса, но Шнейдера во многомъ одобряетъ и между прочимъ хвалитъ слѣдующую его мысль: «Шнейдеръ полагаетъ справедливымъ, говорить онъ, что тѣ неясно поймутъ предметъ, которые захотятъ стихіи упоминаемой здѣсь гармоніи разсматривать въ нихъ самихъ. Платонъ изъ математическихъ своихъ формулъ, вѣроятно, не имѣлъ намѣренія сдѣлать что-нибудь. Посему, еслибы и не удалось намъ удовлетворительно разобрать этотъ послѣдній отдѣлъ въ рѣчи музъ, — цѣлая ихъ рѣчь все не была бы для насъ потеряна; потому что существенное заключается въ первой ея части, а эта часть объяснена удовлетворительно.» Эту самую мыслию утѣшаюсь и я, и подражая способу Шнейдера, объясню формулы Платонова числа такъ: *полчетвертной корень* — $3^{1/2}$ есть число, заключающее въ себѣ основаніе всѣхъ четырехъ предѣловъ и трехъ промежутковъ, раздѣленныхъ на 2, то-есть $7/2$. Въ этомъ $\epsilon\pi\iota\tau\rho\iota\sigma\tau\omega\ \pi\omega\lambda\upsilon\beta\omicron\mu\iota$ числитель есть величина постоянная, потому что постоянны условія человеческого рожденія; а знаменатель, какъ нѣчто существенно не принадлежащее къ тѣмъ постояннымъ условіямъ, всегда заключаетъ въ себѣ возможность измѣненія и, слѣдуя за числителемъ, будетъ измѣнять и всю пропорцію предѣловъ. Поэтому означенный полчетвертной корень предполагаемаго музами числа мы можемъ представить въ видѣ показанной дроби, только съ знаменателемъ неопредѣленнымъ, то-есть, какъ $\frac{7}{x}$, или раздѣльно: $\frac{4}{x} + \frac{3}{x}$. Этотъ полчетвертной корень, по словамъ музъ, *слагается съ пятерицею, помноженною на 3, и даетъ двѣ гармоніи*. Черезъ сложеніе корня съ 5, величина численная, по объясненію Шнейдера, переходитъ въ геометрическую и становится треугольною плоскостью, а чрезъ помноженіе ея на 3, — тѣломъ или кубомъ. Почти такъ объясняетъ это и Аристотель (Polit. lib. V, с. 10). Какія же происходятъ отсюда гармоніи? — *Одна—равно-равная: сто, взятое столько же разъ, когда, то-есть, тѣло уравнивается самому себѣ, подобно тому, какъ $1/100$, по объясненію Фриса, берется сто разъ; другая, хотя равно протяженная, однакожь равная продолговатостью, когда, то-есть, сравнивается одно тѣло съ другимъ. Сто принадлежитъ къ числамъ, называемымъ по діаметрамъ пятерицы, безъ единицы каждаго изъ нихъ*. Діаметры тѣлъ можно увеличивать, какъ увеличивается $1/100$ до 100, начиная съ первыхъ корней, кромѣ единицы; потому что единица, помножаемая сама на себя, не теряетъ своего единства: однакожь діаметръ тѣла

дѣти отъ нихъ произойдутъ и безталантныя, и несчастныя. Первые изберутъ изъ нихъ и поставятъ, конечно, наилучшихъ: но эти, какъ недостойные, получивъ въ свою очередь силу быть отцами, сперва начнутъ, въ качествѣ стражей, не радѣть о насъ, менѣе надлежащаго уважая музыку; потомъ вознерадятъ о гимнастикѣ, и такимъ образомъ юноши у васъ выдутъ необразованными. А отсюда правители явятся недовольно способными стражами для испытанія исіодовскихъ и вашихъ родовъ—золотаго, серебрянаго, мѣднаго и желѣзнаго. 547.

Когда же желѣзо примѣшается къ серебру, а мѣдь къ золоту,—въ общество проникнетъ неподобіе и негармоничность; а гдѣ есть эти порожденія, тамъ возбуждается война и вражда. Отъ такого-то рода, надобно полагать, происходитъ возмущеніе, когда оно происходитъ.—Да и справедливъ судъ ихъ, скажемъ мы, примолвилъ Главконъ.—Но вѣдь когда онѣ—музы, прибавилъ я; такъ это и необходимо. — Что же послѣ того говорятъ музы? спросилъ онъ.—Когда возмущеніе произошло, отвѣчалъ я,—два рода, желѣзный и мѣдный, поволокли людей къ обогащенію и пріобрѣтенію земли, домовъ, золота и серебра; а роды золотой и серебряный, какъ небѣдные, но по природѣ богатые, повели душу къ добродѣтели и къ древнему состоянію. Дѣлая насилія и противодѣйствуя одни другимъ, они наконецъ согласились отдѣленные имъ земли и дома обратить въ свою собственность, а прежнихъ своихъ охранителей, людей свободныхъ, друзей и кормильцевъ, по- C. работать, засадить въ домахъ и занять ихъ домашними дѣлами, объ охраненіи же и о войнѣ стали заботиться сами.—Отсюда, кажется мнѣ, произошла эта перемѣна, сказалъ

не выражается и двумя, потому что первый коренной знакъ его предѣловъ = 4. *Сто относится къ кубамъ троичности.* Кубическое основаніе 100 положено въ корнѣ 3. Итакъ, взявъ за основаніе число предѣловъ = 4, примѣнимое къ діаметрамъ тѣлъ, и число промежутковъ между предѣлами = 3, которымъ должно опредѣляться кубическое значеніе тѣлъ, раздѣливъ то и другое на X ирраціональное и возвысивъ въ кубъ, законодатели государства получаютъ двѣ гармоніи и найдутъ *вещное геометрическое число, заключающее въ себѣ силу лучшихъ и худшихъ рожденій.*

онъ. — Такое правленіе не будетъ ли среднимъ между аристократіею и олигархіею? спросилъ я. — Конечно. —

Перемѣна-то произошла такъ; но измѣнившееся — какъ
 D. будетъ устроиться? не явно ли, что по подражанію отчасти
 прежнему правленію, отчасти олигархіи, такъ какъ стоитъ
 въ срединѣ между обоими и оттого будетъ имѣть нѣчто свое
 собственное? — Конечно, сказалъ онъ. — Не станетъ ли оно по-
 читать правителей, устранять войско отъ земледѣлія, отъ ре-
 месль и другихъ прибыльныхъ работъ, учреждать обществен-
 ные столы, заботиться о гимнастическихъ и воинскихъ подви-
 гахъ, и во всемъ этомъ подражать правленію прежнему? — Да.
 E. — Но только на правительственныя мѣста побоится оно воз-
 водить мудрецовъ, такъ какъ еще не привязало къ себѣ этихъ
 простыхъ и твердыхъ стражей, а будетъ любить смѣшанныхъ,
 наклоняться на сторону людей горячихъ и суровыхъ ¹, способ-
 548. ныхъ больше къ войнѣ, чѣмъ къ миру, и потому уважать об-
 манъ и уловки, и все время проводить въ войнѣ. Изъ множества
 такихъ особенностей не сложатся ли собственныя его свойства?
 — Да. — А пристрастные-то къ деньгамъ, спросилъ я, не бу-
 дутъ ли такими, каковы бываютъ въ олигархіяхъ? Они станутъ
 неистово чтить во мракѣ свое золото и серебро, строить хра-
 нилица и особыя сокровищницы, чтобы складывать и прятать
 въ нихъ свое богатство, и постараются воздвигнуть себѣ стѣ-
 B. ны домовъ, точно гнѣзда, чтобы тамъ расточать огромное свое
 имущество на женъ и на другихъ, на кого захотятъ. — Весь-
 ма справедливо, сказалъ онъ. — Поэтому они будутъ трястись
 надъ деньгами, такъ какъ чтутъ ихъ и собираютъ не открыто,
 чужія же, изъ угожденія страсти, тратитъ имъ понравится. Тай-
 но предаваясь удовольствіямъ, они станутъ бѣгать отъ закона,

---

¹ *Суровыхъ, ἀπλουτέρους.* Этимъ словомъ, повидимому, означаетъ здѣсь пря-
 мой, безцеремонный и строгій характеръ воина: отъ такого человѣка отличает-
 ся *ἀπλοῦς* — человѣкъ простой, нелюбящій искусственности въ отношеніяхъ и
 изысканности въ формахъ жизни. Астѣ хотѣлъ бы вмѣсто *ἀπλουτέρους* читать
ποικιλωτέρους; но списки не представляютъ такого чтенія, да оно и не соотвѣт-
 ствуетъ, кажется, намѣренію философа.

какъ дѣти отъ отца, когда воспитало ихъ не убѣжденіе, а насиліе, когда истинную музу, т.-е. слово и философію, они пренебрегли, и гимнастику поставили выше музыки. — Ты говоришь, въ самомъ дѣлѣ, о правленіи, смѣшанномъ изъ зла и добра, замѣтилъ онъ. — Да, оно смѣшано, примолвилъ я. Изъ правленія раздражительнаго очевиднѣйшая черта въ немъ только одна — спорливость и честолюбіе. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Такъ не таково ли это правленіе по своему происхожденію и свойствамъ? спросилъ я. Впрочемъ, начертавъ образъ его словомъ, мы не со всею точностію отдѣляли это очертаніе, а Д. такъ, чтобы изъ него можно было намъ только видѣть, кто — человѣкъ самый справедливый и несправедливый. Вѣдь чрезвычайно продолжительно было бы разсматривать всѣ правленія и всѣ нравы, ничего не оставляя. — Правда, сказалъ онъ. —

Каковъ же подъ этимъ правленіемъ человѣкъ? Какъ онъ выходитъ и какимъ бываетъ? — Я думаю, сказалъ Адимантъ, что, по спорливости-то, онъ близко подходитъ къ Главкону. — Это-то можетъ быть, примолвилъ я; но мнѣ кажется, что Е. другое не таково, какъ у Главкона ¹. — Что же другое? — Тотъ долженъ быть своенравнѣе, отвѣчалъ я, не подчиняется музамъ, хотя и любить ихъ, и охотникъ слушать — только никакъ не риторикѣ. Да такой и съ слугами жестокъ, хотя и 549. не презираетъ ихъ, такъ какъ достаточно воспитанъ; съ людьми же свободными онъ кротокъ, правителямъ очень послушенъ, хотя властолюбивъ и честолюбивъ, и домогается власти не краснорѣчіемъ и не чѣмъ-нибудь тому подобнымъ, а дѣлами, какъ воинскими, такъ и относящимися къ воинскимъ; поэтому любить гимнастику и звѣриную охоту. — Это, въ самомъ дѣлѣ, характеръ того правленія, сказалъ онъ. — Но такой, пока молодъ, не презираетъ ли денегъ, а сдѣлавшись старше, не тѣмъ ли болѣе всегда любить ихъ, и вышедши изъ подъ В.

¹ Слегка затрогивается самомнѣніе Главкона. По свидѣтельству Ксенофонта (Мемог. III, 6), этотъ молодой человѣкъ, достигнувъ двадцати-лѣтняго возраста, хотѣлъ уже вступить въ отправленіе дѣлъ общественныхъ; но Сократъ отвлекъ его отъ такого намѣренія.

вліянія наилучшаго стража, не обнаруживаетъ ли природы сребролюбивой и неискренности къ добродѣтели? — Какого стража? спросилъ Адимантъ. — Музыкально настроеннаго слова, отвѣчалъ я. Оно одно во всю жизнь бываетъ внутреннимъ хранителемъ добродѣтели въ томъ, кто имѣетъ ее. — Ты хорошо говоришь, сказалъ онъ. — И этотъ-то юноша-тимократъ, примолвилъ я, конечно, походить на тотъ городъ. — Безъ сомнѣнія. — А характеръ-то его, сказалъ я, образуется слѣдующимъ образомъ: онъ иногда бываетъ сыномъ добраго отца, который, живя въ худо управляемомъ городѣ, убѣгаетъ и отъ почестей, и отъ властей, и отъ судебныхъ мѣстъ, и отъ всякой подобной дѣятельности, а старается жить въ неизвѣстности, чтобы не имѣть хлопотъ. — Да какъ же образуется его характеръ? спросилъ Адимантъ. — Онъ выслушиваетъ, про-
 D. должалъ я, досаду своей матери, что, во-первыхъ, мужъ ея — не въ числѣ правителей, и что чрезъ это она между прочими женщинами унижена; потомъ, что она видитъ, какъ мало отецъ его заботится о деньгахъ, и когда злословятъ его, не отбивается ни частно—въ судахъ, ни публично, но переносить все такое съ безпечностью; наконецъ, что она замѣчаетъ, какъ онъ внимателенъ только къ самому себѣ, а ее и не слишкомъ уважаетъ, и не безчеститъ. Досадуя на все это, она говоритъ сыну, что отецъ у него — человекъ слабый, крайне
 E. вялый, и все прочее, что жены обыкновенно поютъ о такихъ мужьяхъ. — И очень, сказалъ Адимантъ; онѣ говорятъ много имъ свойственнаго. — Ты знаешь также, прибавилъ я, что подобныя вещи сыновьямъ такихъ господъ иногда потихоньку сообщаютъ и самые слуги, думая тѣмъ выразить имъ свою преданность, и если видятъ, что на комъ-нибудь есть долгъ, а отецъ не нападаетъ на него судомъ за деньги, или за иную обиду, то сыну его дѣлаютъ такія внушенія: ты, когда будешь большой, — наказывай всѣхъ подобныхъ людей, и явишь-
 550. ся больше мужемъ, чѣмъ твой отецъ. Вступивъ же въ общество, сынъ слышитъ другія такія же рѣчи, и видитъ, что люди, занимающіеся своимъ дѣломъ, въ городѣ называются глу-

пыми и мало уважаются; напротивъ, недѣлающіе своего, пользуются честію и бывають превозносимы похвалами. Слыша и видя все такое, а потомъ опять внимая словамъ отца и входя ближе въ его занятія, отличныя отъ занятій, усвояемыхъ другими, онъ развлекается тогда обѣими сторонами — и стороною своего отца, которая питаетъ и возвращаетъ¹ разумность его души, и стороною другихъ, которая В. дѣйствуетъ на пожелательную и раздражительную его силу, и будучи нехудымъ человѣкомъ по природѣ, пользуясь однакожь худыми рѣчами другихъ, влечется дорогою среднею между обѣими этими крайностями, и власть надъ собою ввѣря силѣ средней — спорливости и раздражительности, такимъ образомъ становится человѣкомъ заносчивымъ и честолюбивымъ. — Ты раскрылъ его свойства, мнѣ кажется, весьма хорошо, сказалъ онъ. — Примемся же теперь, примолвилъ я, за C. второе правленіе и за другаго человѣка. — Примемся, сказалъ онъ. —

Послѣ этого, не вспомнить ли намъ словъ Эсхила:

Иной надъ инымъ поставленъ и градомъ²,

по крайней мѣрѣ по прежнему нашему предположенію. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — А за такимъ правленіемъ слѣдовать-то должна, думаю, олигархія. — Какую же форму называешь ты олигархіей? спросилъ онъ. — Олигархія, отвѣчалъ я, есть правленіе, основывающееся на переписи и оцѣнкѣ имѣнія, такъ что въ немъ управляютъ богатые, а бѣдные не имѣютъ участія въ правленіи. — Понимаю, примолвилъ онъ. — Такъ не сказать D. ли сперва, какъ совершается переходъ изъ тимархіи въ олигархію? — Да. — Хотя этотъ переходъ виденъ даже и для слѣпа-

¹ Возвращаетъ разумность его души, αὐτοῦ τὸ λογιστικὸν ἐν τῇ ψυχῇ ἄρδαντος. "Ардеи" часто употребляется въ смыслѣ метафорическомъ; такъ что орошеніе растений по подобію переносится на душу и говорится, напримѣръ, Libr. X, p. 606 D: τρέφει γὰρ ταῦτα ἄρδουσα κ. τ. λ. Подобнымъ образомъ и о винѣ: οἶνος ἄρδει τὰς ψυχὰς. Xenoph. Sympos. II, 24. Aristoph. Equit. v. 98.

² Этотъ стихъ читается у Эсхила (Sept. adv. Theb. v. 567): ὁμολοῶσιν δὲ πρὸς πόλεις τεταγμένους. Здѣсь философъ, примѣнительно къ своей цѣли, нѣсколько измѣнилъ его.

- го, примолвилъ я.—Какой же онъ?—Та кладовая, отвѣчалъ я, у каждаго полная золота, губить это правленіе; потому что богатые сперва изобрѣтаютъ себѣ расходы и для того измѣняютъ законамъ, которымъ не повинуются ни сами они, ни жены ихъ.—Вѣроятно, сказалъ онъ.—Потомъ, по склонности смотрѣть другъ на друга и подражать, такимъ же, какъ
- Е. всѣ они, дѣлается и простой народъ.—Вѣроятно.—А отсюда, продолжалъ я, простираясь далѣе въ любостыжаніи, граждане чѣмъ выше ставятъ деньги, тѣмъ ниже — добродѣтель. Развѣ не такое отношеніе между богатствомъ и добродѣтелью, что если оба эти предмета положить на двухъ тарелкахъ въ совѣ, то они пойдутъ по противоположнымъ направленіямъ ¹?
551. —И очень, сказалъ онъ.—Итакъ, когда въ городѣ уважаются богатство и богатые, тогда добродѣтель и люди добродѣтельные находятся въ униженіи.—Явно.—А что уважается, то бываетъ предметомъ подвиговъ; напротивъ неуважаемое остается въ пренебреженіи ².—Такъ.—Стало-быть, на мѣстѣ людей спорливыхъ и честолюбивыхъ теперь являются любостыжатели и любители денегъ; теперь въ городѣ начинаютъ расточать похвалы, удивляться и ввѣрять власть богатому, а бѣднаго унижаютъ.—И очень.—Не тогда-то ли постанов-
- В. ляютъ законъ олигархическаго правленія, опредѣляя форму его множествомъ денегъ? такъ что чѣмъ больше ихъ у кого, тѣмъ выше его олигархія, а чѣмъ меньше, тѣмъ ниже; у кого же богатства, требуемаго ценсомъ, не имѣется, тѣ, какъ

¹ Въ этомъ мѣстѣ я слѣдую чтенію Штальбома, согласному съ списками Florig. β' и Monac., въ которыхъ читается: *ὡςπερ — ἐκατέρου — ἐπὶ τοῦναυτίων ῥέποντα*. Здѣсь *ἐκατέρου* относится къ *πλοῦτος* и *ἀρετή*, равно какъ и среднее *ῥέποντα*. Въ другихъ спискахъ читается *ῥέποντος*.

² Истина общая, подтверждаемая повсюдными опытами и неподлежащая никакому сомнѣнію. Если правительство хочетъ поднять какой-нибудь видъ государственной жизни, или какую-нибудь отрасль науки, то къ тому, что хочетъ поднять, должно выражать свое уваженіе — не офиціальнымъ словомъ, а дѣятельнымъ сочувствіемъ. Эту мысль хорошо высказалъ Цицеронъ (Tuscul. 1, 2): *honor alit artes, omnesque incenduntur ad studia gloria, jacentque ea semper, quae apud quosque improbantur*. Themist. Orat. IV, p. 54. XV, p. 195 D. XVI, p. 201 A. XXXI, p. 353 A. Synes. de providentia p. 103.

уже сказано, и не допускаются къ власти. Такое правленіе или осуществляется силою оружія, или еще прежде, устанавливается страхомъ. Не такъ ли? — Конечно такъ. — Установленіе-то, можно сказать, таково. — Да, примолвилъ онъ. Но каковъ образъ-то этого правленія? и какія, какъ было выше замѣчено, имѣетъ онъ недостатки? — Во-первыхъ, вотъ каково C. можетъ быть его опредѣленіе, сказалъ я: соображай-ка. Если бы управленіе кораблями кто-нибудь подчинилъ ценсу, а бѣдному, хотя бы онъ былъ и очень искусенъ въ кораблевожденіи, не ввѣрилъ этого дѣла. — Худое было бы кораблеплаваніе, примолвилъ онъ. — Но не то же ли нужно сказать и о всякой другой власти? — Я думаю. — Кромѣ власти въ городѣ, примолвилъ я: или то же и о городской? — Даже тѣмъ болѣе, сказалъ онъ, чѣмъ труднѣе и выше эта власть. — Вѣдь и одно D. это было бы величайшимъ недостаткомъ олигархіи. — Видимо. — Что же? а другой недостатокъ меньше этого? — Какой? — Тотъ, что въ подобномъ городѣ былъ бы по необходимости не одинъ городъ, а два: одинъ изъ людей бѣдныхъ, другой — изъ богатыхъ, и оба они, живя въ томъ же самомъ мѣстѣ, злоумышляли ли бы другъ противъ друга. — Да и не мало, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ. — Но, можетъ быть, хорошо то, что они не въ состояніи будутъ вести войну; ибо принужденные пользоваться вооруженною чернью, будутъ бояться ея E. больше, чѣмъ непріятелей, либо, не пользуясь ею, сами въ военное время окажутся по-истинѣ олигархами и, будучи сребролюбивы, не захотятъ вносить деньги. — Нехорошо. — А помнишь ли, мы прежде порицали, что въ такомъ правленіи одни и тѣ же лица занимаются многими дѣлами — и воздѣлываютъ землю, и собираютъ деньги, и воюютъ: правильно 552. ли это, по твоему мнѣнію? — Отнюдь нѣтъ. — Смотри же, — изъ всѣхъ этихъ золь, разбираемое правленіе не приметъ ли первое слѣдующаго, величайшаго? — Какого? — Всякому въ немъ позволено свое продать, либо пріобрѣсть, чтò продаетъ другой; и продавшій живетъ въ городѣ, не будучи никакимъ его членомъ: ни промышленникъ онъ, ни мастеръ, ни всадникъ,

- ни тяжело-вооруженный воинъ, но называется бѣднякомъ и
- В. бобылемъ.—Первое зло, сказалъ онъ.—Вѣдь въ олигархическихъ-то правленіяхъ это не возбраняется; а иначе въ нихъ не было бы того, что когда одни преизобилуютъ богатствомъ, другіе впадаютъ въ крайнюю бѣдность.—Правильно.—Собрази же слѣдующее: вотъ, бывъ богачемъ, такой-то прожился: велика ли отъ этого была тогда польза городу въ отношеніи къ тому, о чемъ мы сейчасъ говорили? или онъ только казался правителемъ, а на самомъ дѣлѣ былъ и не правитель, и не подчиненный, но расточалъ готовое богатство? —Только казался, отвѣчалъ онъ, а былъ не инымъ кѣмъ,
- С. какъ расточителемъ.—Хочешь ли, мы скажемъ, спросилъ я, что какъ въ сотѣ трутень составляетъ болѣзнь пчелинаго роя, такъ и этотъ въ жизни, подобно трутню, есть болѣзнь города?—И очень, Сократъ, сказалъ онъ.—Не правда ли, Ади-мантъ, что всѣхъ пернатыхъ трутней Богъ сотворилъ безъ жала, а между пѣшими — однихъ тоже безъ жала, иныхъ же съ сильными жадами? И не правда ли, что тѣ,—безъ жала, до-
 D. живають до старости бѣдняками, а изъ снабженныхъ жаломъ всѣ, какіе есть, называются злыми? —Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Стало-быть, явно, продолжалъ я, что бѣдные, какихъ видишь въ городѣ, суть не что иное, какъ спрятавшіеся въ этомъ мѣстѣ воры, отрѣзыватели кошелековъ, святотатцы и мастера на всякое подобное зло ¹.—Явно, сказалъ

¹ Первые черты этой прекрасной аллегоріи встрѣчаются у *Исиода* (Opp. et DD. v. 300), и заботливо собраны *Рункениемъ* (ad Tim. p. 157 sqq.). Подъ нею разумѣются люди, не только неприносящіе государству никакой пользы, но еще полагающіе въ немъ сѣмя разрушенія. Трутнями Платонъ называетъ бывшихъ олигарховъ, или промотавшихся богачей. Проматывая свое имѣніе, они для государства не дѣлають ничего хорошаго, потому что живутъ только для себя, удовлетворяють своимъ страстямъ: когда же промотали свое,—привычка къ извѣтному роду жизни понуждаетъ ихъ изыскивать способы безъ труда пользоваться чужимъ достояніемъ. Имѣя въ виду такое направленіе ихъ, Платонъ различаетъ между ними трутней съ жаломъ и безъ жала: трутни безъ жала — это бѣдняки по душѣ и по тѣлу,—люди, сохранившіе только способность ѣсть и пить чужое, когда дають; напротивъ, трутни съ жаломъ—это люди, отъ природы получившіе хорошія способности, но роскошью и баловствомъ отученные отъ всякой полезной дѣятельности, требующей нѣкоторыхъ усилій.

онъ.—Такъ что же? въ городахъ олигархическихъ ты не видишь бѣдниковъ?—Да почти всѣ, кромѣ правителей, сказалъ онъ.—А не думаемъ ли мы ¹, спросилъ я, что между ними много и такихъ, которые снабжены жалами злодѣевъ, и которыхъ старательно, не безъ насилія, обуздываютъ правительства?—Конечно думаемъ, отвѣчалъ онъ.—И не скажемъ ли, что такіе люди заводятся тамъ отъ необразованности и дурнаго воспитанія?—Скажемъ.—Такъ вотъ такимъ-то бываетъ олигархическій городъ, и такіе, а можетъ быть еще большіе, заключаетъ онъ въ себѣ недостатки!—Близко къ тому, сказалъ онъ.—Значитъ, разсмотрѣно у насъ, примолвилъ я, и то правленіе, которое мы называемъ олигархіею, избирающею правителей по ценсу. E. 553.

Послѣ сего не разсмотрѣть ли и подобнаго ему человѣка, какъ онъ является и, явившись, можетъ существовать?—Конечно, сказалъ онъ.—Не такъ ли особенно изъ тимократическаго перемѣняется онъ въ олигархическаго?—Какъ?—Рождается отъ него сынъ и сперва подражаетъ отцу, — идетъ по его слѣдамъ; но потомъ видитъ, что отецъ вдругъ палъ, набѣжавши на городъ, будто на песчаную мель, и растративъ какъ В. свое, такъ и себя, либо чрезъ воеводство, либо чрезъ отправленіе какой-нибудь другой важной правительственной должности, а затѣмъ подпалъ подъ судъ, гдѣ повредили ему допосчки, гдѣ онъ подвергся или смерти, или изгнанію, или безчестію, и погубилъ все свое состояніе.—И вѣроятно-таки, сказалъ онъ.—Видя же это-то, другъ мой, и страдая, что потерялъ имѣніе, да боясь, думаю, и за самую голову, сынъ въ душѣ своей свергаетъ съ престола честолюбіе и ту раздражитель- C.

¹ А не думаемъ ли мы, *μή οὖν οὐδὲν*. Можно бы подумать, что послѣ *μή* должно читать *οὐδὲν*: но это была бы важная ошибка, совершенно измѣняющая смыслъ рѣчи. Мнѣ стоитъ здѣсь вмѣсто *οὐδὲν*; а въ такомъ случаѣ оно полагается съ наклоненіемъ изъявительнымъ и на вопросъ предполагаетъ отвѣтъ положительный. Если же послѣ *μή* мысль была бы невопросительная, то эта частица предъ настоящимъ изъявительнымъ была бы простымъ отрицаніемъ и стояла бы вмѣсто *οὐ*. *Epicl. Enchir. c. 31: Τίς δὲ δοῦναι δύναται ἐτέρῳ, ἃ μὴ ἔχει αὐτός. Nooig. Distr. part. P. 1, p. 715.*

ность и, униженный бѣдностію, обращается къ любостяжанію, скряжнически и понемногу сберегаетъ деньги и накопляетъ ихъ трудами. Не думаешь ли, что этотъ человѣкъ пожелательности и любостяжательности своей не посадитъ тогда на тотъ престолъ и не будетъ представлять въ своемъ лицѣ великаго царя ¹, не будетъ украшать себя тіарою и бармами и не препоясется мечемъ?—Думаю, сказалъ онъ.—А рад.

D. зумность-то и раздражительность, мнѣ кажется, будетъ онъ бросать наземь, куда попало, поработая ихъ пожелательности, и не позволитъ себѣ никакого другаго умствованія или изслѣдованія, кромѣ того, какимъ бы образомъ изъ небольшихъ денегъ составить большія, равно какъ не станетъ ничему другому удивляться и ничего другаго уважать, кромѣ богатства и богатыхъ, не станетъ ничѣмъ инымъ гордиться, какъ приобрѣтеніемъ денегъ и тѣмъ, что способствуетъ къ этому.—Никакой другой переходъ, сказалъ онъ, не будетъ столь быстръ и силенъ, какъ переходъ юноши отъ честолюбія къ сребролю-

E. бію.—Такъ этотъ, спросилъ я, есть ли олигархъ?—По крайней мѣрѣ онъ выродился изъ человѣка, подобнаго тому прав-

554. ленію, отъ котораго произошла олигархія.—Посмотримъ, подобенъ ли онъ ему?—Посмотримъ.—Во-первыхъ, не подобенъ ли въ томъ отношеніи, что весьма высоко цѣнитъ деньги? — Какже. — И еще въ томъ, что скупъ и дѣятельно-суетливъ, удовлетворяетъ только необходимымъ своимъ желаніямъ, а другихъ издержекъ не дѣлаетъ, и надъ другими желаніями господствуетъ, какъ надъ пустыми.—Безъ сомнѣнія.—Это—человѣкъ какой-то грязный, продолжалъ я, изъ всего выжимаетъ прибыль, выковыываетъ сокровище; а такихъ-то и хвалитъ чернь ². Такъ не походитъ ли онъ на олигархи-

¹ Особенностями великаго царя, то-есть персидскаго, Греки почитали громадное его богатство и безусловное, какбы неземное владычество его надъ подданными. Объ эти особенности довольно рельефно изображаются, между прочимъ, въ Алкивіадѣ 1-мъ, р. 121 sqq.

² *А такихъ-то и хвалитъ чернь.* Οὗς δὲ стоитъ здѣсь вмѣсто σῶους. Притомъ это множественное относится къ предшествующему единственному, каковая кон-

ческое правленіе?—Миѣ по крайней мѣрѣ кажется, отвѣчалъ В. онъ: то-есть, въ городѣ великою честію пользуются деньги,— и у него тоже. — Потому, думаю, примолвилъ я, что онъ не заботился объ образованіи.—Вѣроятно, сказалъ онъ; иначе надъ хоромъ своихъ пожеланій не поставилъ бы слѣпаго вождя¹.—И конечно, сказалъ я. Но смотри вотъ на что: не говоримъ ли мы, что въ немъ, отъ необразованности, есть пожеланія трутня,—одни нищенскія, а другія злодѣйскія, обуздываемыя С. силою, со стороны одной заботливости?—И очень, сказалъ онъ. —А знаешь ли, спросилъ я, на что смотря, ты увидишь ихъ злодѣйство?—На что? сказалъ онъ.—На попеченіе ихъ о сиротахъ и на что-нибудь, если случится, подобное, при чемъ они будутъ имѣть власть дѣлать обиды.—Правда.—Не явно ли и то, что такой человѣкъ въ иныхъ обстоятельствахъ, когда ему надобно казаться справедливымъ, сдерживаетъ прочія дурныя свои пожеланія какимъ-то одобрительнымъ насиліемъ, D. —не въ томъ убѣжденіи, что они нехороши, и подчиняясь не уму, а необходимости и страху, такъ какъ дрожить за свое имущество.—И очень-таки, сказалъ онъ.—Клянусь Зевсомъ, другъ мой, продолжалъ я, что вѣдь во многихъ изъ нихъ, когда надобно истратить чужое, ты найдешь пожеланія, средныя трутню.—И очень во многихъ, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, этотъ человѣкъ—не безъ тревогъ въ самомъ себѣ; онъ —не одинъ, а какой-то двойной, онъ—съ пожеланіями, кото- E. рыми обуздываются большею частію другія пожеланія, какбы худшія—лучшими. —Такъ.—Посему то онъ будетъ, думаю,

---

струкція какъ въ греческомъ языкѣ, такъ и въ русскомъ, весьма обыкновенна. Напр. *Euripid. Suppl.* v. 878: φίλοις τ' ἀλλοθας ἤν φίλος, παρούσι τε καὶ μὴ παρούσιν ὢν ἀριστὸς οὐ πολὺς. онъ былъ истиннымъ другомъ друзей—присутствующихъ и отсутствующихъ; каковыхъ людей число невелико. *Demosth. pro Corona* p. 328, ed. Reisk.: ἀνδρὶ καλῷ τε κἀγαθῷ, ἐν αἷς οὐδαμῶς οὐ φανήσῃ γεγονῶσι. человѣку прекрасному и доброму, между каковыми ты никогда не являлся.

¹ Подъ именемъ слѣпаго вождя Адимантъ разумѣть здѣсь Плутона (богатство), о слѣпотѣ котораго см. *Aristoph.* и *Erasm. Adagg.* p. 200; а подъ словомъ τοῦ χοροῦ — всѣ желанія человѣческой природы, надъ которыми господствуетъ любовь къ деньгамъ.

имѣть наружность благовиднѣе, чѣмъ у многихъ, тогда какъ истинная добродѣтель согласной съ собою и благонастроенной души будетъ далеко бѣгать отъ него.—Мнѣ кажется.—Кромѣ того, скупецъ—худой товарищъ и въ случаѣ состязанія въ городѣ для какой-нибудь побѣды, либо для другаго, требуемаго честолюбіемъ похвальнаго дѣла. Онъ ради славы, и иныхъ подобныхъ подвиговъ, не хочетъ издерживать денегъ, боясь пробудить въ себѣ страсть расточительности и вы-

555. звать ее на помощь и состязаніе, а потому, выставляя на видъ немногія свои пожертвованія въ борьбѣ олигархической, съ одной стороны большею частію испытываетъ пораженіе, а съ другой—богатѣеть.—И очень, сказалъ онъ.—Такъ будемъ ли еще не вѣрить, спросилъ я, что скупецъ и любостыжатель получаетъ эти свойства по подобію города олигархическаго?

В. —Никакъ не будемъ, сказалъ онъ.—

Послѣ этого, какъ видно, надобно разсмотрѣть уже демократію, какимъ образомъ она происходитъ, и происшедши, какого заключаетъ въ себѣ гражданина, чтобы, узнавъ его свойства, и о немъ также произнести намъ свое сужденіе.—Этотъ ходъ, сказалъ онъ, по крайней мѣрѣ былъ бы у насъ подобенъ прежнему.—Не такимъ ли образомъ, спросилъ я, совершится перемѣна правленія изъ олигархическаго въ демократическое, если будетъ посредствовать ненасытность представляющимся благомъ—быть сколько можно богаче?—

С. Какимъ это?—Думаю, что дѣйствующіе въ городѣ правители, съ цѣлію больше приобрѣсти, не хотятъ юношей, живущихъ распутно, обуздывать закономъ, и не запрещаютъ имъ расточать и губить свое состояніе, имѣя намѣреніе забирать въ залогъ ихъ фонды и потомъ подъ проценты покупать ихъ, чтобы сдѣлаться еще богаче и почтеннѣе¹.—Конечно, всего бо-

---

¹ Сократъ ведетъ свои мысли такъ, что если въ гражданахъ олигархическаго общества усиливается страсть накоплять деньги, то накопленіе ихъ совершается большею частію на счетъ мотающаго юношества, — по системѣ ростовщиковъ, которые, обольщая его блескомъ золота и приманками удовольствій, постепенно овладѣваютъ частными имѣніями чрезъ злосламеннѣйшій кредитъ подъ

лѣе.—А отсюда не явно ли уже, что въ такомъ городѣ граждане не могутъ вмѣстѣ и уважать богатство, и достаточно приобрѣтать разсудительность, но по необходимости будутъ не- D. радѣть о томъ либо другомъ?—Конечно явно, сказалъ онъ.—Отъ нерадѣнія же объ этомъ и отъ поблажки распутству въ олигархіяхъ иногда принуждены бываютъ подвергаться бѣдности люди и не неблагородные.—Да и часто.—Такъ вотъ, думаю, и сидятъ они въ городѣ, вооруженные жалами ¹,—одни, какъ обремененные долгами, другіе, какъ лишенные чести, а иные, угнетаемые обоими видами зла, и, питая ненависть и замыслы противъ людей, завладѣвшихъ имѣніемъ ихъ, да и противъ всѣхъ, задумываютъ возстаніе.—Прав- E. да.—Между тѣмъ ростовщики-то, погрузившись въ свои расчеты, повидимому, и не замѣчаютъ этого, но, всегдашнюю ссудою нанося раны тому, кто приходитъ просить денегъ, и обременяя должниковъ увеличенными процентами, будто порожденіемъ капитала-отца ², разводятъ въ городѣ множество 556. трутней и нищихъ.—Какъ не множество? сказалъ онъ.—Да и тутъ-то, примолвилъ я, не хотятъ они угасить такое жгучее зло,—не запрещаютъ всякому употреблять свое имѣніе, на что онъ хочетъ; и это опять-таки не рѣшается особымъ закономъ.—Какимъ же закономъ?—Тѣмъ, который послѣ перваго второй, именно закономъ, принуждающимъ гражданъ заботиться о добродѣтели. Вѣдь еслибы тому, кто соверша- B. етъ съ кѣмъ-нибудь сдѣлки произвольно, предписывалось со-

---

залогъ собственности, чтобы несостоятельный должникъ, обременяемый накопленіемъ процентовъ, наконецъ отказался отъ заложенного имущества въ пользу ростовщика.

¹ *Κεκεντρωμένοι τε καὶ ἐξοπλισμένοι*, — указывается на трутней, о которыхъ говорено было выше.

² Каждую ссуду денегъ, какую дѣлаетъ ростовщикъ своему должнику, Со- кратъ называетъ новою, наносимую ему раною; причемъ на проценты, — *τόκος*, смотритъ онъ, какъ на отродѣ отца, называемаго капиталомъ; потому что *τόκος* есть плодъ, приносимый и чрезъ обыкновенное органическое рожденіе и чрезъ обращеніе денегъ. Отъ такого способа сосредоточенія капиталовъ въ сундукахъ ростовщика распространяется въ государствѣ пролетаріатъ и служить началомъ возмущеній.

вершать ихъ на свой страхъ; то въ городѣ барышничанье происходило бы съ меньшимъ безстыдствомъ, и меньше было бы въ немъ такихъ золъ, о какихъ мы сейчасъ говорили. —И очень-таки, сказалъ онъ.—А теперь-то, продолжалъ я, городскіе правители, чрезъ все подобное, не такъ ли настроили и управляемыхъ, и самихъ себя съ своими дѣтьми, что юноши у нихъ ведутъ разгульную жизнь и не трудятся ни

C. для тѣла, ни для души, —стали слабы и лѣнны для выдержанія и удовольствій и скорбей?—Какже.—Сами же они, занимаясь только барышничествомъ, вовсе нерадятъ о другихъ и не больше заботятся о добродѣтели, какъ и бѣдняки.—Конечно не больше. — Если такъ настроенные правители и управляемые сходятся между собою или во время путешествій, или при другихъ случаяхъ общенія, на примѣръ, по случаю народныхъ игръ, либо военныхъ походовъ, или въ совмѣст-

D. номъ плаваньи, или въ сотовариществѣ на войнѣ, или въ наблюденіи другъ за другомъ среди опасностей, —ни въ какомъ подобномъ случаѣ бѣдные не презираются бѣдными: напротивъ, когда изможденный и загорѣлый нищій, нерѣдко стоя въ сраженіи подлѣ богача, вскормленнаго подъ тѣнью и носящаго много чужой плоти ¹, видитъ, какъ этотъ богачъ задыхается и чувствуетъ затруднительность своего положенія; тогда не приходитъ ли, думаешь, на мысль ему, что эти люди богатѣютъ только дурными своими качествами и, находясь глазъ на глазъ съ другимъ, не говоритъ ли о немъ: наши господа

E. ничего не стоятъ ²?—Я-то хорошо знаю, сказалъ Адимантъ,

¹ Вскормленнаго подъ тѣнью, *ἐσθιατροφῆκῶτι*, то-есть въ нѣгѣ, противоположно *загорѣлому*, *ἠλιωμένῳ*, который выросъ подъ палящимъ солнцемъ. Такимъ же образомъ юношѣ изнѣженному приписывается много чужой плоти, *πάρκας ἄλλοτριᾶς*, —не въ томъ смыслѣ, какъ объясняетъ Штальбомъ, будто эта плоть не относится къ здоровью тѣла и есть въ немъ излишнее ожиреніе, а въ томъ, что она приобрѣтена на счетъ источника и исхуданія чужихъ, работавшихъ на него тѣлъ; такъ что *ἔχων πάρκας ἄλλοτριᾶς* здѣсь противопоставляется *τῷ ἰσχυρῷ, ἀνδρὶ πένητι*.

² Наши господа, въ греческомъ подлинникѣ: *ἄνδρες ἡμέτεροι*, по моему мнѣнію, —не тѣ, которые не заслуживаютъ имени мужчинъ, какъ объясняетъ это

что они такъ дѣлають. — Но, какъ болѣзненное тѣло, — нужно только слегка дотронуться до него, тотчасъ страдаетъ, а иногда возмущается и безъ внѣшнихъ причинъ: не такъ ли болѣеть и борется самъ съ собою подобный ему въ этомъ отношеніи городъ, когда, по малѣйшему поводу, являются извнѣ союзники — одни изъ олигархическаго, другіе изъ демократическаго города, и не возмущается ли онъ нерѣдко даже безъ внѣшнихъ побужденій ¹? — Да и сильно. — И такъ, демократія 557. происходитъ, думаю, какъ скоро бѣдныя, одержавъ побѣду, однихъ убиваютъ, другихъ изгоняютъ, а прочимъ ввѣряютъ власть и правленіе поровну. Притомъ начальствованіе въ ней раздается большею частію по жребіямъ. — Да, это и есть постановленіе демократіи, сказалъ онъ, — устанавливается ли она силою оружія, или чрезъ удаленіе другой партіи, гонимой страхомъ. —

Какимъ же образомъ живутъ эти города? спросилъ я. И въ чемъ опять состоитъ такое правленіе? Вѣдь явно, что по- добный человекъ окажется демократическимъ. — Явно, сказалъ онъ. — Не правда ли, что во-первыхъ — таки они свободны, что городъ ихъ пользуется полною свободою и дерзновеніемъ, и всякій въ немъ имѣетъ волю дѣлать, что хочетъ. — Говорятъ, что такъ, сказалъ онъ. — А гдѣ воля-то, тамъ, очевидно, каждый можетъ обстанавливать свою жизнь по своему, какъ ему нравится. — Очевидно. — Такъ въ этомъ правленіи люди, думаю, будутъ очень различны. — Какъ не различны? — Оно, С. должно быть, — прекраснѣйшее изъ правленій, примолвилъ я. Какъ пестрое платье, испещренное всѣми цвѣтами, такъ и

Штальбомъ, а тѣ, которые не стоятъ чести быть господами τῶν πενητῶν, которыхъ Сократъ называетъ также τοὺς ἄνδρας.

¹ Эта мысль Платона весьма хорошо объясняется тожественною мыслию Демосеена (Olynth. II, p. 24, ed. Reisk.): какъ въ нашихъ тѣлахъ, пока кто здоровъ, не чувствуется никакой слабости въ отдѣльныхъ членахъ, — а случись какал-нибудь болѣзнь, все приходитъ въ движеніе, — рана ли то будетъ, или вывихъ, или другое какое разстройство; такъ и въ городѣ подъ тиранніею, — пока граждане ведутъ войну внѣшнюю, зло для народа бываетъ незамѣтно; а какъ скоро вспыхиваетъ борьба домашняя, — всѣ чувствуютъ ее.

- оно, оразноображенное всѣми нравами, будетъ казаться прекраснѣйшимъ. — Почему не такъ? сказалъ онъ. — Можетъ быть, и толпа тоже, продолжалъ я, равно какъ дѣти и женщины, за-сматривающіяся на пестроту, будетъ находить его прекраснѣйшимъ. — Конечно, сказалъ онъ. — И въ немъ-то, почтен-
- D. нѣйшій, замѣтилъ я, можно искать пригоднаго правленія. — Почему такъ? — Потому, что оно, благодаря произволу, заключаетъ въ себѣ всѣ роды правленій, и кто желаетъ устроить городъ, что теперь дѣлали мы, тому, должно быть, необходимо, пришедши въ городъ димократическій, будто въ торговый магазинъ правленій, выбрать форму, какая ему нравится, и выбравши, ввести ее у себя. — Въ самомъ дѣлѣ можетъ быть, сказалъ онъ; въ примѣрахъ недостатка не будетъ. — Въ та-
- E. комъ городѣ, продолжалъ я, нѣтъ тебѣ никакой надобности управлять, хотя бы ты былъ и способенъ къ тому, равно какъ и быть управляемымъ, если не хочешь: нѣтъ тебѣ надобности ни воевать, когда другіе воюютъ, ни хранить миръ, когда другіе хранятъ, какъ скоро самъ не желаешь мира; и еслибы опять какой-нибудь законъ препятствовалъ тебѣ управлять или засѣдать въ судѣ, ты тѣмъ не менѣе можешь управ-
558. лять и судить, когда это пришло тебѣ въ голову. Такой образъ жизни на первый разъ не есть ли образъ жизни богоподобной и пріятной? — Можетъ быть, на первый-то, сказалъ онъ. — Что еще? Не удивительна ли въ немъ и кротость съ нѣкоторыми осужденными¹? Не видывалъ ли ты, какъ подъ такимъ правленіемъ люди, приговоренные къ смерти или къ изгнанію, тѣмъ не менѣе остаются и ходятъ открыто, и никто не заботится объ этомъ, никто и не смотритъ, какими выступаютъ
- V. они героями? — Да и многихъ видалъ, сказалъ онъ. — И это низ-

¹ Здѣсь Сократъ очень мѣтко описываетъ такъ называемую филантропію людей съ димократическими стремленіями, то-есть людей, непризнающихъ никакого закона, нетерпящихъ никакого ограниченія, никѣмъ неуправляемыхъ. и ничѣмъ неуправляющихъ, пока сами того не пожелаютъ; а пожелаютъ они управлять и ограничивать другихъ, вѣроятно, тогда, когда субъекты теоретической ихъ филантропіи практически ограбятъ ихъ, обезчестятъ или подвергнуть побоямъ.

хождение есть никакъ не мелочность такого правленія, а презрѣніе къ тому, что мы, какъ было у насъ говорено при устроеніи города, считали за важное: кто, то-есть, по нашему, не имѣетъ необыкновенно высокой природы, тотъ не можетъ быть добрымъ человѣкомъ, если еще въ дѣтствѣ не игралъ съ прекраснымъ и не занимался всѣмъ такимъ. Какъ величественно попираетъ оно подобныя правила и нисколько не заботится, отъ какихъ занятій такой-то перешелъ къ дѣламъ политическимъ, но удостоиваетъ его чести, лишь бы только доказалъ онъ, что пользуется благосклонностью народа. — Оно, въ самомъ дѣлѣ, весьма благородно, сказалъ онъ. — С. Такія-то и другія подобныя этимъ преимущества, примолвилъ я, можетъ имѣть демократія, — правленіе, какъ видно, пріятное, безправительственное и пестрое, сообщающее равенство людямъ равнымъ и неравнымъ. — И конечно, сказалъ онъ; дѣло извѣстное. —

Сообрази же, продолжалъ я, каковъ этотъ характеръ въ частности. Не разсмотрѣть ли намъ его сперва, какъ рассматривали мы правленіе, то-есть какимъ образомъ онъ происходитъ? — Да, сказалъ онъ. — А не такъ ли, думаю, происходитъ? Онъ могъ быть сыномъ того скупца и олигарха, воспитаннымъ согласно съ нравомъ своего отца. — Почему не такъ? — Стало-быть, и этотъ насильствомъ господствовалъ надъ всѣми своими удовольствіями, которыя расточаютъ, а не собираютъ, и называются также не необходимыми. — Явно, сказалъ онъ. — А хочешь ли, спросилъ я, чтобы не разговаривать впотьмахъ, мы сперва опредѣлимъ пожеланія необходимыя и не необходимыя? — Хочу, отвѣчалъ онъ. — Не тѣ ли по справедливости называются необходимыми, которыхъ мы отвратить не въ состояніи, и потомъ — которыхъ удовлетвореніе полезно для насъ? ибо первыя и послѣднія внушаются нашей природѣ необходимостью. Не такъ ли? — Конечно. — Стало-быть, мы въ отношеніи къ нимъ скажемъ правду, что это 559. необходимо. — Правду. — Что же? тѣ-то, которыя кто-нибудь, одумавшись съ молодыхъ лѣтъ, могъ бы оставить, тѣмъ бо-

лѣе, что они не дѣлаютъ ничего добраго ¹, а иныя дѣлаютъ даже противное: всѣ эти если мы назовемъ не необходимыми, не хорошее ли дадимъ имъ названіе?—Конечно хорошее.—Такъ возьмемъ какой-нибудь примѣръ тѣхъ и другихъ, чтобы сказать о нихъ вообще ², каковы они ³.—Да, надобно.—Желаніе ѣсть, сколько требуютъ того здравье и ростъ,—желаніе В. хлѣба и варива не необходимо ли?—Я думаю.—И первое-то необходимо по тому и другому: оно и полезно, и можетъ прекратить жизнь ⁴.—Да.—Послѣднее же по крайней мѣрѣ доставляетъ нѣкоторую пользу для роста.—Безъ сомнѣнія.—Но что, если желаніе простирается далѣе этихъ кушаньевъ—къ другимъ, разнообразнѣйшимъ, если, бывъ съ дѣтства очищаемо и образуемо, оно у многихъ можетъ проходить, а не то,—бываетъ вредно какъ для тѣла, такъ и для души, относительно ея разумности и разсудительности?—не правильно ли Б. деть назвать его не необходимымъ?—Весьма правильно.—Такъ не назовемъ ли желаній этого рода расточительными, а

¹ *Тѣмъ болѣе, что они не дѣлаютъ ничего добраго, και προς ουδέν ἀγαθόν ἐνοῦσαι δρῶσιν.* Шлейермахеръ переводитъ: und zu nichts Guten mitwirken. Переводъ этотъ невѣренъ. Глаголь δρᾶν сочиняется обыкновенно съ винительнымъ, а отрѣшенно не употребляется. Чтобы въ приведенномъ выраженіи видно было правильное его сочиненіе, надобно замѣтить, что οὐδένъ зависитъ отъ δρῶσιν, а не отъ предлога προς, и есть винительный своего глагола. Предлогъ же προςъ стоитъ здѣсь отрѣшенно и имѣетъ такое же значеніе, какое προσέτι. Такъ употребляется онъ *Aristoph. Plut. v. 1002: και προς ἐπὶ ταῦτοις εἶπεν. Eurip. Phoeniss. v. 884: και προς ἡτιμασμένους.* У Платона προςъ въ такомъ значеніи употребляется чаще съ частицею γέ. *Respubl. V, p. 466 E: και προς γε—ἄξουσιν εἰς πόλεμον. Sophist. p. 234 A: και προς γε θαλάττης.* Впрочемъ на такое именно значеніе προςъ указываетъ и слѣдующій за этимъ винительный: *αἱ δὲ και τοὐναντίον, т. е. δρῶσιν.*

² *Чтобы сказать о нихъ вообще, ἵνα τύπῳ λάβωμεν αὐτάς, т. е. чтобы все ихъ разнообразіе заключить въ какомъ-нибудь символѣ, образѣ, очертаніи, ut summatim dicamus.* Τύπος, означающее собственно образецъ, часто берется какъ представленіе рода вещей, и въ такомъ случаѣ выраженію ἐν τύπῳ εἰρησθαι противуполагается δι' ἀκριβείας εἰρησθαι. *De Rep. 414 A. 491 C. 501 D. Prot. p. 344 B.*

³ *Каковы они, αἱ εἶσιν; αἱ* вмѣсто οἶαι (см. выше p. 554 A), но отнюдь не вмѣсто τίνες, какъ полагаетъ Астъ; потому что αἱ указываетъ на предметы опредѣленные и неизвѣстные только со стороны ихъ свойствъ, а τίνες относится къ такимъ, которыхъ ищется самое бытіе.

⁴ *Оно (желаніе) и полезно, и можетъ прекратить жизнь, если, то-есть, не будетъ удовлетворяемо.*

тѣхъ, поколику они полезны для дѣлъ, сберегательными?— Почему не назвать?— Не то же ли скажемъ о желаніяхъ любовныхъ и о другихъ?— То же.— Стало-быть, и о томъ, кого недавно назвали трутнемъ? Вѣдь мы говорили, что онъ водится такими именно удовольствіями и находится подъ властію пожеланій не необходимыхъ, тогда какъ человѣкъ бережливый и олигархическій удовлетворяетъ необходимымъ. — Да какже. D.

Теперь скажемъ опять, продолжалъ я, какъ изъ олигархика происходитъ человѣкъ демократическій. Происхождение его большею-то частію совершается, повидимому, слѣдующимъ образомъ. — Какимъ? — Когда юноша, вскормленный, какъ мы недавно говорили, безъ воспитанія и въ правилахъ скупости, попробуетъ трутневаго меду и сроднится съ звѣрскими и дикими нравами, способными возбуждать въ немъ разнообразныя, разнородныя и всячески проявляющіяся удовольствія; тогда-то, почитай, бываетъ въ немъ начало перемѣны олигархическаго его расположенія въ демократическое. — Весьма необходимо, сказалъ онъ. — Какъ городъ измѣняется въ своемъ правленіи, когда приходитъ къ нему помощь съ другой, внѣшней стороны, — помощь подобная подобному: не такъ ли измѣняется и юноша, если помогаютъ ему извѣстнаго рода пожеланія, привзошедшія извнѣ — отъ другаго, но сродныя и подобныя пожеланіямъ его собственнымъ? — Безъ сомнѣнія. — А какъ скоро этой помощи-то, думаю, противопоставляется другая — со стороны его олигархической, на примѣръ, со стороны его отца или иныхъ родственниковъ, и обнаруживается внушеніями и выговорами; 560. то, конечно, является въ немъ возстаніе и противувозстаніе — борьба съ самимъ собою. — Какже. — И демократическое расположеніе иногда, думаю, отступаетъ отъ олигархическаго; такъ что изъ пожеланій одни разстроиваются, а другія, по возбужденіи стыда въ душѣ юноши, изгоняются. — Да, иногда бываетъ, сказалъ онъ. — Потомъ однакожь, изъ изгнанныхъ пожеланій, иныя, сродныя съ невѣжественнымъ воспитаніемъ отца, будучи подкармливаемы, снова, думаю, B.

растутъ и становятся сильными.—Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно такъ бываетъ, сказалъ онъ.—Тогда они увлекаютъ юношу къ прежнему сообществу и, делѣмая тайно, размножаются.—Какже.—А наконецъ, почувавъ, что въ акрополисѣ юношеской души ¹ нѣтъ ни наукъ, ни похвальныхъ занятій, ни истинныхъ разсужденій, которые бываютъ наилучшими стражами и хранителями лишь въ разсудкѣ людей боголюбивыхъ, овладѣваютъ имъ.—Да и конечно такъ бываетъ, сказалъ онъ.—И мѣсто всего этого занимаютъ, думаю, сбѣжавшія туда лживыя и надменные рѣчи да мнѣнія.—Непремѣнно, сказалъ онъ.—Поэтому, не пойдетъ ли онъ снова къ тѣмъ Лотофагамъ ² и не будетъ ли жить между ними открыто? А если къ бережливой сторонѣ души его придетъ помощь отъ родныхъ, то надменные тѣ рѣчи, заперши въ немъ ворота царской стѣны, даже не допустятъ этой союзной силы и не примутъ посланническихъ словъ, произносимыхъ старѣйшими частными людьми ³, но, вспоможествуемыя многими бесполезными пожеланіями, сами одержать верхъ въ борьбѣ и, стыдъ называя глупостью, съ безчестіемъ вытолкаютъ его вонъ и обратятъ въ бѣгство, а разсудительность, именуя слабостью

¹ Въ акрополисѣ юношеской души. Разумѣются высшія умственные и нравственные силы человѣческаго духа, отличныя отъ силъ раздражительной и пожелательной природы—даже по органу, въ которомъ онѣ проявляются; такъ какъ обыкновенное мѣсто ихъ проявленія, по ученію Платона, есть голова, которую въ своемъ Тимей называетъ онъ столицей или акрополисомъ ума, ὁ δεῖπτατόν τ' ἐστὶ καὶ τῶν ἐν ἡμῖν πάντων δεσποτοῦν. Tim. p. 44 D.

² Лотофаги—африканское племя, получившее это имя отъ употребленія въ пищу плодовъ дерева лотоса. Эта пища была такъ пріятна, что иностранцы, вкушая ее, забывали о своемъ отечествѣ. Поэтому товарищи Улисса, занесенные въ Африку, покушавъ тамъ лотоса, едва могли быть уведены оттуда. Hom. Odyss. IX, v. 94 sqq. Ovid. Eleg. X, v. 18. Nec degustanti lotos amara fuit. Sil. Ital. Punic. bell. l. 3, v. 311. Et dulci pascit lotos nimis hospita bacca. У Платона развратные юноши называются Лотофагами потому, что вкушая сладкую отраву удовольствій, они забываютъ о правилахъ жизни и пользахъ, на которыя указываютъ имъ родственники.

³ Прекрасная аллегорія (ἀρφηβολία), въ которой увѣщанія родственниковъ представляются какбы посланниками старѣйшинъ домашнего общества; царскою же стѣною, ограждающею самостоятельное бытіе человѣка, называется, повидимому, сознание или совѣсть.

и закидывая грязью, изгонять, равно какъ умѣренность и благоприличную трату удалять, будто деревенщину и низость. — Непремѣнно. — Отрѣшивъ же и очистивъ отъ этого плѣненную ими и посвящаемую въ великія таинства ¹ душу, послѣ Е. сего они уже торжественно, съ большимъ хоромъ вводятъ въ нее наглость, своеволие, распутство и безстыдство, и все это у нихъ увѣнчано, все это выхваляютъ они и называютъ прекрасными именами — наглость образованностью, своеволие свободою, распутство великолѣпіемъ, безстыдство мужествомъ. Не такъ ли какъ-то, спросилъ я, юноша, изъ вскормленнаго 561. въ необходимыхъ пожеланіяхъ, перемѣняется въ освобожденнаго и отпущеннаго подъ власть удовольствій не необходимыхъ и бесполезныхъ? — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; это очевидно. — Послѣ сего, онъ въ своей жизни истрачиваетъ и деньги, и труды, и занятія, уже не столько для удовольствій, думаю, необходимыхъ, сколько не необходимыхъ. Но если, къ счастью, разгулъ его не дошелъ до крайности, если, доживъ до лѣтъ болѣе зрѣлыхъ, когда неугомонный шумъ умолкаетъ, В. онъ принимаетъ сторону желаній изгнанныхъ и не всецѣло предался тѣмъ, которыя вошли въ него; то жизнь его будетъ проходить среди удовольствій, поставленныхъ именно въ какой-то уровень: онъ, какъ бы по жребію, то отдастъ надъ собою власть удовольствію отчужденному, пока не насытится, то опять другому, и не будетъ пренебрегать ни которымъ, но постарается питать всѣ одинаково. — Конечно. — Когда же сказали бы, продолжалъ я, что одни удовольствія проистекаютъ изъ желаній похвальныхъ и добрыхъ, а С. другія — изъ дурныхъ, и что первыя надобно принимать и уважать, а другія — очищать и обуздывать, — этого истиннаго слова онъ не принялъ бы и не пустилъ бы въ свою крѣпость, но при такихъ разсужденіяхъ, отрицательно покачивая голо-

¹ Это аллегорическое выраженіе взято отъ мистерій. Асть пишетъ такъ: in sacris Eleusiniis post lustrationes privataque sacrificia primum minora mysteria (μικρὰ τέλη) tradebantur mystis, et post sex menses majora (τὰ μεγάλα) contemplanda præbebantur epoptis. V. Bulliald. ad. Theon. Mathem. p. 215—222 sq.

вою, говорилъ бы, что удовольствія всѣ равны и должны быть равно уважаемы.—Непремѣнно, сказалъ онъ; кто такъ настроенъ, тотъ такъ и дѣлаеть.—Не такъ ли онъ и живетъ, продолжалъ я, что каждый день удовлетворяетъ случайному пожеланію? То пьянствуетъ и услаждается игрою на флейтѣ, D. а потомъ опять довольствуется одною водою и измощаеъ себя; то упражняется, а въ другое время предается лѣности и ни о чемъ не радѣеть; то будто занимается философіею, но чаще вдается въ политику, и, вдругъ вскакивая, говоритъ и дѣлаеть, что случится. Когда завидуетъ людямъ военнымъ,— онъ пошелъ туда; а какъ скоро заглядѣлся на ростовщиковъ,— онъ является между ними. Въ его жизни нѣтъ ни порядка, ни закона ¹: называя ее пріятною, свободною и блаженною, онъ E. пользуется ею всячески.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; ты описалъ жизнь какого-то человѣка равнозаконнаго (индифферентиста). — Думаю-то такъ, продолжалъ я, что этотъ человекъ разнообразенъ и исполненъ чертами весьма многихъ характеровъ; онъ прекрасенъ и пестръ, какъ тотъ городъ ²: иные мужчины и женщины позавидовали бы его жизни, представляющей въ себѣ многочисленныя образцы правленій и 562. нравовъ. — Такъ, сказалъ онъ.—Что же? положимъ ли, что та койчеловѣкъ, описанный нами по образцу димократіи, можетъ быть правильно названъ димократическимъ?—Положимъ, сказалъ онъ.—

Теперь остается намъ изслѣдовать, сказалъ я, превосходнѣйшее правленіе и превосходнѣйшаго человѣка: это—тираннія и тираннъ.—Точно, сказалъ онъ.—Хорошо; такъ какимъ же образомъ, любезный другъ, бываетъ форма тиранническая ³?

¹ Ни закона, греч. ἀνάγκη, т.-е. необходимости, налагаемой другими подъ формою предписаній или законныхъ ограниченій.

² Указывается ad p. 557 С. D.

³ Греческій текстъ — τίς τρόπος τυραννίδος γίγνεται — выражаетъ, повидимому, не то; но Шлейермахеръ не безъ основанія догадывается, что въ этомъ текстѣ что-нибудь испорчено, — ибо далѣе идетъ разсужденіе не о формѣ тиранніи, а о ея происхожденіи, — и потому думаетъ, что приведенное выраженіе надобно измѣнить такъ: τίνα τρόπον τυραννίς — γίγνεται. Находя эту догадку Шлейермахера правдоподобною, я перевожу: такъ какимъ же образомъ бываетъ форма тиранническая?

Что она выражается изъ демократической,—это почти очевидно.—Очевидно.—Не такъ же ли какъ-то тираннiя происходитъ изъ демократiи, какъ демократiя изъ олигархiи?—Какъ, В. то-есть?—Тамъ предполагалось нѣкоторое благо, сказалъ я, и благомъ, на которомъ основалась олигархiя, было чрезвычайное богатство. Не такъ ли?—Такъ.—И вотъ ненасытимая жажда богатства и нерадѣнiе о прочемъ чрезъ барышничество погубили олигархiю.—Правда, сказалъ онъ.—Не опредѣляетъ ли блага и демократiя, и не ненасытимое ли также жажданiе его разрушаетъ эту форму правленiя?—Какое же, говоришь, опредѣляетъ она благо?—Свободу, отвѣчалъ я; ибо въ демократическомъ-то городѣ ты услышишь, что она—дѣло С. превосходнѣйшее, и что только въ этомъ одномъ городѣ стоить жить тому, кто по природѣ свободенъ.—Да, дѣйствительно говорятъ, сказалъ онъ; и это повторяется часто.—Такъ не справедливо ли, прибавилъ я, что ненасытимая жажда сего блага и нерадѣнiе о прочемъ, какъ я сейчасъ же сказалъ, измѣняютъ это правленiе и готовятъ ему потребность въ тираннiи?—Какимъ образомъ? спросилъ онъ.—Когда демократическiй городъ, горя жаждою свободы, попадаетъ въ руки дурныхъ виночерпiевъ и, наливаемый свободою, безъ мѣры, упивается ею слишкомъ очищенною, безъ надлежащей D. примѣси; тогда онъ наказываетъ, думаю, этихъ правителей, —(кромѣ тѣхъ только, которые были не очень кротки и не давали большой свободы), обвиняя ихъ, какъ преступниковъ и олигарховъ ¹.—Да, это бываетъ, сказалъ онъ.—А тѣхъ-то, примолвилъ я, которые были послушны правителямъ, онъ преслѣ-

---

¹ Цицеронъ (de Republ. I, с. 43, р. 108, ed. Mai. Stuttg.) переводитъ это такъ: Cum enim inexplebiles populi fauces exaruerunt libertatis siti, malisque usus ille ministris, non modice temperatam, sed nimis meracem libertatem sitiens hauserit, tum magistratus et principes, nisi valde lenes et remissi sint et largo sibi libertatem ministrant, insequitur, insimulat, arguit; præpotentes, reges, tyrannos vocat. Съ этимъ мѣстомъ Астъ кстати сравниваетъ слова Ливiя (XXXIX, с. 26): ex diutina siti nimis avide meram haurientes libertatem. Разсматриваемую мысль Платона отчасти приводитъ и Атеней (XI, с. 112 extr.) и порицаетъ философа, что военскiхъ правителей сравнилъ онъ съ плохими виночерпiями.

дуетъ оскорбленіями, какъ произвольныхъ рабовъ ¹ и людей, ничего нестоющихъ: напротивъ правителей, подобныхъ управляемымъ, а управляемыхъ—правителямъ, хвалить и удостоиваетъ почестей частно и всенародно. Въ такомъ городѣ свое.

Е. бода не необходимо ли входить во все?—Какъ не входить?— Она проникаетъ, другъ мой, даже въ частные дома, примолвилъ я, и такое безначаліе достигаетъ наконецъ до самыхъ животныхъ.—Какъ это говоримъ мы? спросилъ онъ.—Такъ, отвѣчалъ я, что отецъ привыкаетъ уподобляться дитяти и бояться сыновей, а сынъ дѣлается подобнымъ отцу, и чтобы быть свободнымъ, не имѣетъ ни уваженія, ни страха къ родителямъ. Переселенецъ у него все равно что туземецъ, а

563. туземецъ все равно что переселенецъ; то же самое и касательно иностранца.—Да, такъ бываетъ, сказалъ онъ.—Этотъ, продолжалъ я, ты увидишь тамъ, и подобныя этому подробности. Учитель въ такомъ городѣ боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики унижаютъ учителя и воспитателей. Вообще—юноши принимаютъ роль стариковъ и состязаются съ ними словомъ и дѣломъ, а старики, снисходя къ юношамъ

В. и подражая имъ, отличаются вѣжливостію и ласковостію, чтобы, то-есть, не показаться людьми непріятными и деспотами ².—Конечно.—Послѣднее же дѣло свободы у этого народа, сколько бы ни было ея въ такомъ городѣ, другъ мой, состоитъ въ томъ, продолжалъ я, что купленные мужчины и женщины нисколько не меньше свободны, какъ и купившіе ихъ. А какое бываетъ равенство и какая свобода женъ въ отношеніи къ мужьямъ и мужей въ отношеніи къ женамъ,—о томъ мы почти и забыли сказать.—Не выразиться ли намъ

¹ Цицеронъ (l. c.): eos, qui pareant principibus, agitari ab eo populo, et servos voluntarios appellari.

² Цицеронъ (l. c.): ut necesse sit in ejusmodi republica plena libertatis esse omnia, ut et privata domus omnis vacet dominatione, et hoc malum usque ad bestias perveniat; denique ut pater filium metuat, filius patrem negligat; absit omnis pudor, ut plane liberi sint; nihil intersit civis sit an peregrinus; magister ut discipulos metuat et iis blandiatur, spernantque discipuli magistros; adolescentes ut senum sibi pondus assumant, senes autem ad ludum adolescentium descendunt, ne sint ita graves et odiosi.

словами Эсхила, примолвилъ онъ, и говорить, что попадетъ С. на языкъ ¹? — Конечно, вѣдь и у меня тоже говорится, что есть на языкѣ, сказалъ я. Даже и животныя, находящіяся подъ властію людей, въ томъ городѣ гораздо свободнѣе, нежели гдѣ-нибудь: этому никто не повѣритъ, не дознавши собственнымъ опытомъ; ибо просто — и собаки, по пословицѣ, тамъ бываютъ таковы, каковы ихъ госпожи ², и лошади и ослы привыкаютъ ходить весьма свободно и важно, и по дорогамъ всегда напираютъ на встрѣчнаго, если онъ не посторонится ³, D. да и все другое такимъ же образомъ переполнено свободою. — Ты пересказываешь мнѣ точь-вточь мой собственный сонъ ⁴, примолвилъ онъ; я испытываю именно то самое, когда ѣзжу въ деревню. — Сообразивши же все это, сказалъ я, не уразумѣешь ли ты и главнаго-то, — какою мягкою становится душа тѣхъ гражданъ: какъ скоро кто-нибудь обнаруживаетъ хоть крошечку услужливости, — она досадуетъ и не можетъ терпѣть этого ⁵, ибо, въ заключеніе, тѣ граждане, знаешь, не обращаютъ нисколько вниманія и на законы — какъ писанные, такъ и неписанные ¹, чтобы никто не былъ надъ ними дес-

¹ Стихъ Эсхила (*Plutarch. Amat. p. 763 B*): ἐπὶ γ' οὖν ἤλθεν ἐπὶ τὸ στόμα κατ' Αἰσχύλον· (*Themist. Orat. IV, p. 52 B*) ἐπειδὴ κατ' Αἰσχύλον οὖν ἤλθεν ἐπὶ τὸ στόμα, ὁ πάλαϊ ἐχρήσθη. Но изъ какого Эсхилова сочиненія взяты этотъ стихъ и вошелъ въ пословицу, — неизвѣстно.

² Цицеронъ (l. c.): quin tanta libertate canes etiam et equi, aselli denique, liberi sint, sic incurrant, ut iis de via decedendum sit.

³ Формула этой пословицы у Грековъ была такова: οἵαπερ ἡ δέσποινα, τοῖα καὶ κῖον. Схоліастъ говоритъ, что ея означалось сходство подчиненныхъ съ господиномъ или начальникомъ.

⁴ То-есть, ты говоришь именно то, о чемъ я нервѣдко размышляю самъ съ собою. *Jacobs. ad Anthol. Gr. T. I, p. 11, p. 272.*

⁵ Это — черта весьма поучительная: демократическое расположеніе гражданъ постепенно огрубляетъ ихъ души, дѣлаетъ ихъ жесткими, дерзкими, смотрящими на все съ презрѣніемъ, нетерпящими никакого благороднаго чувства или поступка, невѣрующими ни во что прекрасное, замкнутыми въ самихъ себѣ, будто въ гробъ, полною костей и смрада, и требующими, чтобы ни одинъ мертвецъ не осмѣливался выйти изъ своего гроба, въ той мысли, что истинная свобода только здѣсь — въ этомъ ничтожествѣ, въ отчужденіи отъ жизни, отъ всякаго порядка и закона.

⁶ Подъ неписаннымъ закономъ Сократъ разумѣетъ, конечно, общія истины,

Е. потомъ.—И очень знаю, сказалъ онъ.—Такъ вотъ какова, другъ мой, та прекрасная и бойкая власть, примолвилъ я, изъ которой, по моему мнѣнію, рождается тираннія. — Да, бойка! сказалъ онъ; но что послѣ этого?—Та же болѣзнь, отъ вѣчалъ я, которая заразила и погубила олигархію, отъ своеволія еще болѣе и сильнѣе заражаетъ и поработщаетъ демократію. И дѣйствительно, что дѣлается слишкомъ, то вознаграждается великою перемѣною въ противоположную сторону ¹: такъ бываетъ и во временахъ года, и въ растеніяхъ, и въ тѣлахъ, — такъ, нисколько не менѣе, и въ правленіяхъ.—Вѣроятно, сказалъ онъ.—Вѣдь излишняя свобода естественно должна переводить какъ частнаго человѣка, такъ и городъ, не къ чему другому, какъ къ рабству.—Вѣроятно.—Поэтому естественно, продолжалъ я, чтобы тираннія происходила не изъ другаго правленія, а именно изъ демократіи, то есть изъ высочайшей свободы, думаю, — сильнѣйшее и жесточайшее рабство.—Основательно, сказалъ онъ.—Но не объ этомъ, полагаю, спрашивалъ ты, замѣтилъ я, а о томъ, ка-
 В. кая это болѣзнь, зародившись въ олигархіи, поработщаетъ городъ и въ демократіи.—Ты справедливо замѣчаешь, сказалъ онъ.—Такою болѣзнію, продолжалъ я, называется у меня классъ праздныхъ и расточительныхъ людей, изъ которыхъ одни, мужественные, идутъ впереди, а другіе, слабые, слѣдуютъ за ними. Мы уподобляемъ ихъ трутнямъ, первыхъ —вооруженнымъ жалами, а послѣднихъ—тѣмъ, которые не имѣютъ жалъ.—И справедливо-таки, сказалъ онъ.—Эти два рода людей, продолжалъ я, распространяясь по всему государству, возмущаютъ его, какъ отъ жара и желчи возмущается тѣло. И для нихъ-то нуженъ добрый врачъ и законо-

---

или тѣ положенія, которыя принимаетъ, держать и по возможности выполнять все человѣчество, не изучая ихъ ни въ какой школѣ: онъ — просто отголоски разумной природы человѣка, сливающимся въ ту или другую гармонію жизни домашней и общественной, смотря по тому, какой дается строй силамъ души, или какой принимаетъ она основной аккордъ. *Artemidor. IV, 2. Dion. Chrysost. Or. LXXVI, p. 648 A.*

¹ Цицеронъ (de Rep. I, c. 44): *Nam ut ex nimia potentia principum oritur inte-*

датель города, не менѣе чѣмъ мудрый пчеловодъ, чтобы онъ издали принималъ мѣры осторожности, и особенно смотрѣлъ, какъ бы они не отроились, — если же отроятся, какъ бы поскорѣе вырѣзать ихъ вмѣстѣ съ матками. — Да, клянусь Зевсомъ, непременно, сказалъ онъ. — И такъ, чтобы раздѣльнѣе усмотрѣть, что хотимъ, примолвилъ я, вотъ какимъ образомъ примемъ за дѣло. — Какимъ? — Демократическій городъ, какъ онъ есть, раздѣлимъ словомъ на три части. Вѣдь въ немъ, рав- D. но какъ и въ олигархическомъ, зародился одинъ такой родъ чрезъ своеволие. — Такъ. — И въ этомъ онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ томъ. — Какъ? — Тамъ онъ, не пользуясь честію, но убѣгая отъ правительства, бываетъ недѣятеленъ и безсиленъ: напротивъ въ демократіи ему, за немногими исключеніями, предоставлено предсѣдательство. Здѣсь сильнѣйшая его часть говоритъ и дѣйствуетъ, а другая, сидя возлѣ трибуны, шу- E. мить и не позволяетъ, чтобы кто-нибудь говорилъ иначе; такъ что въ подобномъ правленіи всѣмъ распоряжается только эта сторона, и исключеній немного. — Конечно, сказалъ онъ. — Но изъ народа всегда выдѣляется слѣдующее. — Что такое? — Изъ всѣхъ промышленниковъ благонравнѣйшіе по природѣ бываютъ большею частію самыми богатыми. — Вѣроятно. — Поэтому трутни болѣе-то меду и съ большимъ удобствомъ подрѣзываютъ, думаю, у нихъ. — Да у тѣхъ-то какъ подрѣжешь, у которыхъ его мало? примолвилъ онъ. — Такъ богатые-то эти называются, думаю, пасбищемъ трутней. — Почти такъ, сказалъ онъ. — Наконецъ, третій родъ — чернь, люди рабочіе, ни 565 въ какія сдѣлки невдающіеся и мало приобрѣтающіе. Но они многочисленны и, когда соберутся, — въ демократіи составляютъ сторону могущественную. — Такъ, сказалъ онъ; впрочемъ, нечасто дѣлаетъ это чернь, если не попробуетъ немного меду. — А не тогда ли она всякій разъ пробуетъ его, спросилъ

---

ritus principum, sic hunc nimis liberum populum libertas ipsa servitute adfcit. Sic omnia nimia, cum vel in tempestate vel in agris vel in corporibus laetiora fuerunt, in contraria fere convertunt, maximeque id in rebus publicis cvenit: nimiaque illa libertas et populis et privatis in nimiam servitutem cedit.

- я, когда вожди народа, отнявъ имущество у владѣльцевъ, и раздавая его черни, могутъ бѣольшую его часть брать себѣ?
- В. — Да, именно такъ и пробуютъ они, сказалъ онъ. — Поэтому ограбленные принуждены бываютъ защищаться, говоря въ слухъ черни и дѣлая, что можно. — Какъ же иначе? — Между тѣмъ другіе подали доносъ, будто тѣ злоумышляютъ противъ черни и намѣрены быть олигархами, тогда какъ нововведеній имъ вовсе не хотѣлось. — Что же далѣе? — Наконецъ, видя, что чернь рѣшается обидѣть ихъ не по своей волѣ, а по незнанію, поколику вводится въ обманъ навѣтами клеветниковъ,
- С. ограбленные, уже въ самомъ дѣлѣ, хотя-не-хотя, становятся олигархами, и тутъ движутся не собственною волею, но подстрѣкаются къ этому злу жаломъ того трутня. — Точно такъ. — Въ этомъ случаѣ дѣлаются доносы, слѣдствія, состязанія другъ съ другомъ. — Конечно. — Тогда чернь не ставитъ ли впереди себя съ особеннымъ значеніемъ, по обычаю, кого-нибудь одного, питая его и сильно выращая ¹? — Да, это въ обы-
- Д. чаѣ. — Слѣдовательно, явно, примолвилъ я, что если рождаются тираннъ, то вырастаетъ онъ не изъ чего болѣе, какъ изъ корня, называемаго предстоятельствомъ ². — Очень ясно. — Но каково начало перехода отъ предстоятельства къ тиранству? Не явно ли, впрочемъ, что этотъ переходъ открывается, какъ скоро предстоятель начнетъ дѣлать то же, что въ миеѣ говорится объ аркадскомъ храмѣ ликейскаго Зевса ³? — А что

¹ Καὶ αὐξάνει μέγαν, то-есть облекая его постепенно большимъ и большимъ могуществомъ. Libr. IX, p. 591 D: τὸν ἄρχον τοῦ πλῆθους — οὐκ ἔπειρον αὐξήσει. Demosthen. Olynth. I, § 5, ed. Bremi: μέγας καὶ ἐξήθη καὶ πρὸς αὐτὴν ἔχει τὴν τελευτὴν τὰ πράγματα αὐτῶ.

² То-есть, тираннъ сначала бываетъ опекуномъ или покровителемъ, защитникомъ, представителемъ народа.

³ Объ обычаѣ ликейскому Зевсу въ Аркадіи приносить человѣческія жертвы см. Böttiger. in Curtii Sprengelii Beiträg. zum Gesch. d. Medicin. T. I, p. 11, n. 1. Creuzer. Symb. T. II, p. 467 sqq., ed. 2. Самый миеѣ, на который указывается, сохранилъ потомству Pausan. VIII, 2. «Ликаонъ принесъ младенца и положилъ его на жертвеникъ ликейскаго Зевса. Младенецъ былъ заколотъ и своею кровію оросилъ жертвеникъ; а принесшій его, тотчасъ по совершеніи жертвоприношенія, превратился, говорятъ, изъ человѣка въ волка.

тамъ говорится? спросилъ онъ. — То, что попробовавши чело-
вѣческой внутренности, изсѣченной съ внутренностями
прочихъ жертвъ, необходимо ему сдѣлаться волкомъ. Или ты Е.
не слыхивалъ этого сказанія? — Слыхалъ. — Такимъ же обра-
зомъ и предстоятель черни, пользуясь совершеннымъ пови-
новеніемъ народа, не будетъ воздерживаться отъ единопле-
менной крови, но по ложнымъ доносамъ, какъ это вообще
бываетъ, приводя обвиняемаго предъ судъ, станетъ осквер-
няться убійствомъ, отнимать у челоуѣка жизнь, языкомъ и
нечестивыми устами пробовать родственной жертвы, изго-
нять въ ссылку, убивать, подписывать снятіе чужихъ долговъ 566.
и раздѣлъ земли. Послѣ сего, этому челоуѣку не предпи-
сываетъ ли необходимость и самая судьба — либо погибнуть
отъ враговъ, либо тиранствовать, и изъ челоуѣка сдѣлаться
волкомъ? — Крайне необходимо, сказалъ онъ. — И этотъ-то,
прибавилъ я, не будетъ ли возставать на всѣхъ, у кого есть
имѣніе? — Такъ. — А лишенный власти и возвратившей ее не-
зависимо отъ враговъ, не сдѣлается ли на своемъ поприщѣ
тиранномъ? — Очевидно. — И если враги безсильны будутъ низ- В.
вергнуть его, или, обнося предъ городомъ, умертвить; то не
задумаютъ ли они приготовить ему смерть тайно, насильствен-
ную? — Это и въ самомъ дѣлѣ часто бываетъ, сказалъ онъ. —
Посему, достигшіе этой степени повторяютъ извѣстнѣйшее
тиранское требованіе, — требуютъ отъ черни нѣсколькихъ тѣ-
лохранителей, чтобы помощникъ ея оставался невредимымъ.
— Конечно, сказалъ онъ. — И народъ-то даетъ, боясь, думаю,
за него, и нисколько не опасаясь за себя. — Конечно. — Видя С.
же это, другъ мой, челоуѣкъ, имѣющій деньги, а вмѣстѣ
съ деньгами пріобрѣтающій причину быть ненавистникомъ
народа, по оракулу ¹, который данъ былъ Крезу, «бѣжить
къ каменистому Эрмосу, не остается въ отечествѣ и не сты-
дится прослыть малодушнымъ». — Потому что иначе стыдить-
ся въ другой разъ ему не пришлось бы, сказалъ онъ. — А

¹ Этотъ оракулъ сохраненъ *Иродотомъ* (1, 55).

если, думаю, схватятъ его, примолвилъ я, то предадутъ смерти. — Необходимо. — Между тѣмъ тотъ самый предстоятель становится столь великимъ, что въ своемъ величїи не лежитъ D. на землѣ, но, низвергнувъ многихъ другихъ, стоитъ на козлахъ города¹ и, вмѣсто предстоятеля, является тиранномъ. — Почему же и не быть этому? сказалъ онъ. —

Такъ разсматривать ли намъ, спросилъ я, счастье и этого человѣка, и города, въ которомъ находится такой смертный? — Конечно разсмотримъ, отвѣчалъ онъ. — Не правда ли, сказалъ я, что въ первые дни и въ первое время онъ улыбается и обнимаетъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчается, не называетъ себя E. тиранномъ, общаетъ многое въ частномъ и общемъ, освобождаетъ отъ долговъ, народу и близкимъ къ себѣ раздаетъ земли и притворяется милостивымъ и кроткимъ въ отношенїи ко всѣмъ? — Необходимо, сказалъ онъ. — Если, изъ внѣшнихъ-то непрїателей, съ одними, думаю, онъ примирился, а другихъ разорилъ, и съ этой стороны у него покойно; то ему на первый разъ все-таки хочется возбуждать войны, что-бы простой народъ чувствовалъ нужду въ вождѣ. — И естественно. — Внося деньги, граждане не терпятъ ли бѣдности? и каждый день занятые пропитанїемъ себя, не тѣмъ ли меньше злоумышляютъ противъ него? — Очевидно. — А если только начинаетъ онъ, думаю, подозрѣвать, что кто-нибудь имѣетъ вольныя мысли и не попускаетъ ему властвовать; то, по какому-нибудь поводу, не губить ли такихъ среди непрїателей? И для всего этого не необходимо ли тиранну непрестанно воздвигать войну? — Необходимо. — Дѣлая же это, не тѣмъ ли B. болѣе подвергается онъ ненависти гражданъ? — Какъ же не подвергаться? — Тогда граждане, способствовавшїе къ его возвышенїю и имѣющїе силу, не будутъ ли смѣло говорить и съ нимъ и между собою, и, если случатся особенно мужествен-

¹ *Столь великимъ, что въ своемъ величїи не лежитъ на землѣ, μέγας μεγαλωστί οὐ κείται*: омировскїй характеръ выраженїя. II. XVI, в. 776. *Odyss.* XXIV, в. 39. Такимъ же поэтическимъ тономъ отзывается и выраженїе: *ἔστηκεν ἐν τῷ δίπρῳ τῆς πόλεως*. *Iliad.* XXIII, в. 435. *Xenoph.* *Anab.* 1, 8, 10.

ные, не рѣшатся ли оуждать текущія событія?—Вѣроятно-таки.—Поэтому тиранъ, если хочетъ удержать власть, долженъ незамѣтно уничтожать всѣхъ этихъ, пока не останется у него ни друзей, ни враговъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать какой-нибудь пользы. — Явно. — Стало-быть, ему надобно насквозь видѣть, кто мужественъ, кто великодушень, кто уменъ, кто богатъ; и онъ такъ счастливъ, что—хочетъ-не хочетъ, долженъ ко всѣмъ этимъ находиться во враждебномъ отношеніи и злоумышлять противъ нихъ, пока не очиститъ города. — Прекрасное же очищеніе! сказалъ онъ. Да, противоположное тому, какое предписываютъ врачи относительно тѣла, примолвилъ я: послѣдніе изгоняютъ самое худое и оставляютъ самое хорошее; а онъ—наоборотъ.—Впрочемъ это, какъ видно, ему необходимо, если хочетъ властвовать, сказалъ онъ.—Стало-быть, тою блаженною связанъ D. онъ необходимостію, продолжалъ я, которая повелѣваетъ ему или жить съ толпою негодныхъ да еще и ненавидящихъ его людей, или вовсе не жить.— Именно тою, сказалъ онъ.— А не правда ли, что, дѣйствуя подобнымъ образомъ, чѣмъ большую будетъ онъ навлекать ненависть со стороны гражданъ, тѣмъ большая и разнообразнѣйшая понадобится ему стража? — Какъ не понадобится? — Кто же эти вѣрныя? Откуда созвать ихъ?—Сами летомъ сбѣгутся во множествѣ, сказалъ онъ, если дать требуемое жалованье ¹.—Мнѣ кажется, ты, клянусь собакой, говоришь опять о трутняхъ, примолвилъ я,—о какихъ-нибудь разнородныхъ иностранцахъ.—И E. справедливо кажется тебѣ, сказалъ онъ.— А туземцевъ развѣ не захочетъ?—Какихъ?—Отниметъ у гражданъ рабовъ и, сдѣлавъ ихъ вольными, образуетъ изъ нихъ себѣ стражу. — Непремѣнно, сказалъ онъ, если только они будутъ ему самыми вѣрными.—И какимъ блаженнымъ существомъ назовешь ты тиранна, примолвилъ я, если, погубивъ тѣхъ преж-

¹ Ἐξυ τὸν μισθὸν διδῶν, —перевожу: требуемое (извѣстное) жалованье, потому что выражаю значеніе члена, который иначе былъ бы не нулевымъ.

нихъ, онъ будетъ пользоваться этими друзьями и вѣрными
 568. людьми!—Что дѣлать? пользуется хоть такими, сказалъ онъ.
 —И удивляются ему эти друзья, продолжалъ я, и обращают-
 ся съ нимъ новые граждане, а добрые ненавидятъ его и убѣ-
 гають.—Какъ не убѣгать?—Такъ недаромъ вполнѣ мудрою
 кажется трагедія, въ которой отличился Эврипидъ.—Что та-
 кое?—Въ которой, между прочимъ, онъ произнесъ и ту крѣп-
 кую мысль ¹, что мудрые тиранны обращаются съ мудрца-
 В. ми ². Подъ этимъ, очевидно, разумѣлъ онъ, что тѣ мудры,
 съ которыми тираннъ коротокъ.—Да онъ, равно какъ и дру-
 гие поэты, тираннію-то превозноситъ, будто нѣчто богоподоб-
 ное ³, и во многихъ иныхъ отношеніяхъ.—Потому-то, какъ
 ни мудры творцы трагедій, примолвилъ я, пусть они изви-
 нятъ и насъ, и всѣхъ тѣхъ, которые о правительствѣ судятъ
 подобно намъ, что мы не принимаемъ ихъ въ свое государ-
 ство, именно за похвалы тиранніи.—Думаю, что отважнѣй-
 С. шіе-то изъ нихъ извиняютъ, сказалъ онъ.—А прочіе-то, думаю,
 ходятъ по городамъ, собираютъ народъ и, получивъ извѣст-
 ную плату, прекрасными, громкими и трогательными возгла-
 сами привлекаютъ правительства къ тиранніи и димократіи.
 —Конечно.—Сверхъ того, они получаютъ награды и почести
 —во-первыхъ, какъ и слѣдуетъ, отъ тиранновъ ⁴, а во-втор-
 ыхъ, отъ димократіи. Но чѣмъ выше восходятъ они по кру-

¹ *Крѣпкую мысль, τοῦτο πικρῆς διανοίας ἐχόμενον.* Это не иронія, какъ говорить Штальбомъ, а скорѣе *ἀμφιβολία*; потому что *πικρὴ διάνοια* можетъ быть понимаема и какъ глубокая, и какъ неперевариваемая мысль. Сократъ, кажется, разумѣлъ ее въ послѣднемъ значеніи. Желая, по возможности, удержать оба смысла этой амфиболіи, я *πικρῆν διανοίαν* называю крѣпкою мыслию.

² Этотъ стихъ Эврипиду же приписывается и въ Θεαγῶ, р. 125 В. Но другіе утверждаютъ, что онъ взятъ изъ Софоклова Аякса локресскаго. *Aristid. Orat. Platon. II, р. 228. Gell. Noct. Att. XIII, 18. Eurip. Fragm. T. II, р. 483; ed. Beck. Восскh. de Graec. Trag. Princip. р. 247.*

³ Указывается на *Eurip. Troad. v. 1177: γάμων τε καὶ τῆς ἰσοθέου τυραννίδος.*

⁴ Говоря о почестяхъ, какими эти лицемѣры пользуются отъ тиранновъ, Сократъ едва ли не подразумѣвалъ Эврипида, который, какъ извѣстно, уже въ старости приглашенъ былъ въ Македонію Архелаемъ и тамъ черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ, въ третьемъ году девяносто-третьей олимпіады.

тизнамъ правленій, тѣмъ слабѣе становится ихъ честь; такъ D. что, какбы запыхавшись, она не можетъ идти далѣе¹. — Конечно. — Такъ вотъ куда мы вышли, примолвилъ я. Поговоримъ теперь о томъ войскѣ тиранна, какъ оно прекрасно, многочисленно, разнообразно и никогда не принадлежитъ той странѣ, которая питаетъ его. — Явно, сказалъ онъ, что если въ городѣ есть храмовыя деньги, то тираннъ будетъ издерживать ихъ², и когда выдаваемыхъ всякій разъ окажется достаточно, — будетъ принуждать чернь къ меньшему взносу. — А что если не будетъ доставать ихъ? — Явно, сказалъ, что и самъ онъ, и одно E. чашники его, и друзья, и подруги, будутъ кормиться на счетъ отечества. — Понимаю, примолвилъ я: значить, чернь, создавшая себѣ тиранна, будетъ и кормить его съ друзьями? — Крайне необходимо, сказалъ онъ. — Что ты говоришь? спросилъ я: да если чернь разсердится и скажетъ, что взрослому сыну несправедливо получать пищу отъ отца, а напротивъ, отцу — отъ сына, что отецъ родилъ его и поставилъ на но- 569. ги — не для того, чтобы, когда онъ будетъ большой, — поработившись его рабамъ, кормить и его самого, и рабовъ его съ наплывомъ другихъ, но чтобы, подъ его предствительствомъ, освободиться ему отъ находящихся въ городѣ богачей и отъ людей такъ называемыхъ благородныхъ³ (*καλῶν καγαθῶν*)? Вѣдь тогда она прикажетъ ему выдти изъ города, вмѣстѣ съ друзьями, какъ отецъ выгоняетъ изъ дому сына, вмѣстѣ

¹ Сократъ хочетъ сказать, что возвышеніе по степенямъ почестей несообразно съ характеромъ тѣхъ самыхъ формъ правленія (тиранніи и демократіи), въ пользу которыхъ они подвизаются; потому что тираннія не терпитъ аристократизма, чтобы не воспиталъ онъ соперниковъ, а демократія боится олигархіи, чтобы она не породила тиранна. Такимъ образомъ трагическіе поэты, — льстецы тиранна и народа, восходя по степенямъ почестей, должны наконецъ ослабѣть и пасть.

² Не разумѣлъ ли при этомъ Сократъ Діонисія, сиракузскаго тиранна, который, для нуждъ распутной своей жизни, снялъ золото и серебро съ бывшихъ въ храмѣ истукановъ?

³ *Отъ людей благородныхъ, καλῶν καγαθῶν. Καλοὶ καγαθοί*, когда говорится объ относительномъ значеніи сословій въ государствѣ, суть люди образованные, которымъ въ такомъ случаѣ противопоставляется *ὁ δῆμος*. *Plut. Pericl.* p. 158 B: *οὐ γὰρ εἶσθε τοὺς καλοὺς καγαθοὺς καλουμένους — συμμετέχθαι πρὸς τὸν δῆμον.*

- В. съ буйными его собутыльниками.—Узнаетъ же тогда чернь, влянусь Зевсомъ, сказалъ онъ, какое животное породила она, взлелѣяла и возрастила, и слабѣйшая, изгонить ли сильнѣйшихъ.—Что ты говоришь? спросилъ я: тираннъ осмѣлится дѣлать насиліе отцу и, если послѣдній не послушается, будетъ бить его?—Да, обезоруживъ-то отца, сказалъ Адимантъ.—Такъ тиранна, примолвилъ я, ты назовешь отцебійцею, жестокимъ кормильцемъ старости, и это-то, какъ видно, по общему мнѣнію, будетъ тираннія, выраженная пословицею: чернь, С. убѣгая отъ дыма рабства, налагаемаго людьми свободными, попадаетъ въ огонь рабовъ, служащихъ деспотизму ¹, и вмѣсто той излишней и необузданной свободы, подчиняется тягчайшему и самому горькому рабству.—И дѣйствительно такъ бываетъ, сказалъ онъ. — Что же? спросилъ я; не справедливо ли будетъ наше заключеніе, если свое изслѣдованіе, что тираннія происходитъ изъ димократіи, и что, происшедши, она бываетъ такова, мы признаемъ достаточнымъ?—И очень достаточнымъ, сказалъ онъ.—

¹ Здѣсь видъ или наружность рабства — *κακὸς δουλείας* — противопоставляется дѣйствительному рабству подъ игомъ тиранніи — *τῆ πρὸς δεσποτείας*. Отсюда произошла у Грековъ пословица: *κακὸν ὡς ρεῦμα εἰς τὸ πῦρ περιπέσειν*. Русск.: бѣжалъ отъ огня, попалъ въ полымя.